

ЕЛЕНА
БЕЗРУКОВА

Елена Безрукова

Его наследник

<https://litres.ru/74320419>

Аннотация

ОН: Увидел своего погибшего сына спустя четыре года на заставке телефона совершенно незнакомой мне девушки... Как это вообще возможно?

ОНА: Меня доставили к нему несколько мужчин в чёрном, и Он сказал мне, что мой ребёнок - Его. Он отберёт у меня всё, если я не отдам своего сына и не соглашусь выполнять его условия.

_____ НАСЛЕДНИК ПО КОНТРАКТУ —

Содержание

1.	4
2.	10
3.	12
4.	18
5.	23
6.	29
7.	35
8.	41
9.	46
10.	53
11.	61
12.	67
13.	73
14.	83
15.	88
16.	102
17.	113
18.	120
19.	127
20.	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

1.

Игорь.

Когда дверь за последним участником совещания закрылась, я выдохнул.

Присел на стул и немного ослабил узел галстука. Открыл бутылку воды, стоявшую на столе, и плеснул в стакан. В горле пересохло от такого количества разговоров. Устал жутко, но времени поддаваться слабостям у меня нет. Никто никогда не знает, что испытывает Игорь Тихомиров. Все уверены, что я всегда в боевом духе и вообще – неsgiбаемый железный человек. Впрочем, так и есть.

Сегодня был важный и довольно напряжённый день. Мы встречались с партнёрами на большой конференции, каковая проводится раз в полгода, чтобы обсудить все направления, по которым теперь работает наш концерн. Некоторые партнёры одновременно и конкуренты, готовые тебя сожрать в любой момент, едва оступишься, и ходят подо мной лишь потому, что я сильнее. На данный момент. Но я не отдам им власть над этим городом так просто. С ними нужно держать ухо востро, играть, продумывая ходы на несколько шагов вперёд. Эти партнёры – акулы с зубами не тупее моих, их нельзя недооценивать.

Вдруг на весь зал, нарушив тишину, раздался звук вибровывоза телефона. Повертел головой, не понимая, откуда

идёт шум. Опустил глаза вниз и увидел, что под моим стулом прямо на паркете валяется чей-то гаджет. Взял его в руки – мне он незнаком. Сбросил вызов. Кажется, кто-то из членов конференции выронил своей телефон. Нужно отдать его на ресепшен: вспомнят и вернутся. Снова кинул взгляд на экран и застыл на месте, даже дыхание задержал от того, что я там увидел.

С яркого дисплея на меня смотрел... мой погибший сын. Артём, такой, каким он был в возрасте лет четырёх. Но у него никогда не было такой фотографии, я бы знал о ней. Да и как она могла попасть на заставку чужого мобильного телефона? Ничего не понимаю.

Сдавил сильнее в руке гаджет и нажал на кнопку селектора:

– Ольга, службу безопасности в белый конференц-зал.

Скинул вызов, даже не слушая, поняла ли меня девушка. Если секретарь не услышала с первого раза – это её проблемы, и она за это поплатится. Все в компании знали порядки работы у меня и выполняли инструкции чётко. Спустя несколько минут в коридоре послышался топот нескольких пар ног, и в зал вошли трое высоких и мощных мужчин в строгих чёрных костюмах.

Я перевёл взгляд, остановился на одном из них, более опытном и не таком молодом. Начальник службы безопасности Владимир смотрел на меня, ожидая приказов или вопросов. Остальные меня и не интересовали.

– На, – протянул ему найденный телефон.

Владимир молча забрал из моей руки гаджет и снова встал, ожидая продолжения от меня.

– Найди того, чей это телефон. Сегодня он был забыт после конференции. Нужны все данные о владельце, какие сможете найти. Особенно меня интересует мальчик на заставке. Я жду.

Безопасник понял по моему тону, что нужно решать проблему как можно скорее. Кивнул и твёрдой походкой направился к выходу. Бойцы последовали за ним.

Через час Владимир уже стоял в моём кабинете, держа в руках папку с информацией.

– Игорь Сергеевич, принёс всё, что имеется в базе. В принципе, тут довольно немало.

Он подошёл к столу и протянул мне папку, на которую я бросил лишь хмурый взгляд и вернулся к письму на экране монитора – нужно ответить немедленно, это важнее личных дел.

Начальник охраны проследил за моим взглядом, развернул папку и начал докладывать поставленным голосом:

– Телефон принадлежит некой Вере Прибрежной: двадцать семь лет, работает в «Консталтинг-Оптима», помощник начальника отдела рекламы. Весьма успешный сотрудник, хотя устроилась туда не так давно, но быстро поднялась по карьерной лестнице за два года после выхода из декрета.

Показала себя как талантливый маркетолог.

– Достаточно, – оборвал его. – Ребёнок?

– Сын Веры – Богдан, четыре года.

– Отец кто?

– В графе «Отец» – прочерк. Указано, что Вера никогда не была замужем и делала ЭКО.

Я начал понимать, откуда растут ноги у этой истории.

– В медицинском научном центре Давыдова?

– Минуту, – ответил Владимир и зашелестел страницами в поисках нужной информации. Потом поднял глаза на меня. – Так точно, центр доктора Давыдова.

Всё ясно. Теперь пазл сложился. И эта ситуация меня очень и очень злила.

– Оставьте документы тут. Можете идти.

Начальник охраны положил папку на край стола и вышел, оставив меня в тишине. С минуту я подумал, барабанил пальцами по крышке стола из дорогой породы дерева, потом нажал кнопку связи с секретарём:

– Соедините с доктором Давыдовым, медицинский научный центр. Скажите, это срочно, по личному вопросу.

– Конечно, соединяю, – ответила девушка, и на время в трубке образовалась тишина, пока она дозванивалась в центр.

Положил трубку на стол и включил громкую связь, а сам взял в руки папку с делом Веры Прибрежной и развернул. Сразу перед глазами появилась фотография, прикреплён-

ная к папке обычной канцелярской скрепкой. Двадцать семь лет? На меня смотрела молодая девушка лет двадцати трёх, не больше. Тонкая, хрупкая, почти детское какое-то личико, даже не сказал бы никогда, что она уже мама четырёхлетнего мальчишки. Такое ощущение, что она его старшая сестра, а не мать, настолько молодо выглядела. Хотя нет, на сестру она тоже не тянет – совсем не похожа с Богданом. Вообще ни единой общей черты. Неужели её саму этот факт никогда не смущал? На вид она не мать и не сестра ребёнку, а будто бы... просто нянька. Впрочем, так и есть – Прибрежная ему чужая.

– Добрый день, Игорь Сергеевич, – услышал голос на том конце провода.

Давыдов принял звонок.

– Здравствуйте, Андрей Евгеньевич. Сразу без прелюдий перейду в делу, очень важный вопрос. Я внезапно нашёл мальчика, как две капли воды похожего на моего сына. Вы же сказали мне четыре года назад, что мой эмбрион умер. Как вы мне это объясните?

Повисло молчание. Давыдов явно пребывал в состоянии шока не меньшего, чем я сам, когда увидел эту фотографию сегодня днём.

– Да, по нашим данным эмбрион действительно погиб, – наконец ответил мне Андрей. – Вы ничего не путаете, Игорь Сергеевич? Может быть, вы обознались?

– Ты думаешь, я не узнал бы собственного сына? Не пу-

таю. Через два часа, Давыдов, я жду тебя с объяснением, каким образом к девушке, которая делала у вас ЭКО четыре года назад, попал мой якобы погибший эмбрион.

– Да, я понял. Я всё сейчас выясню и подъеду.

Нажал на отбой. Сейчас Давыдов будет носом землю рыть, чтобы найти того, кто допустил ошибку при работе с эмбрионами. Совершенно очевидно, что произошла какая-то путаница. Мой сын жив. Его родила Вера Прибрежная.

Мне нужны доказательства.

2.

Врач не подвёл и приехал вовремя. Он неуверенной походкой подошёл к столу и сел в кресло напротив меня, после того как я коротко ему кивнул. Я смотрел на него, нахмутив брови, и мой взгляд заставлял нервничать Давыдова – он то и дело менял положение тела, а на лбу выступила испарина. Я молчал и ждал, когда Андрей начнёт рассказывать. Поднял брови, и он начал говорить:

– Я поднял информацию в нашей системе, – пододвинул ко мне папку с документами из архива центра. – И выяснил, что четыре года назад произошла ошибка. Я тоже о ней не был в курсе. Виновный попытался скрыть следы своей халатности и...

– Мне плевать, в курсе ты или нет, – оборвал его холодным тоном. – Дальше.

– Понимаю, – нервно сглотнул доктор. – Вследствие этой ошибки ваш эмбрион действительно остался жив и попал к Вере Прибрежной. Она не знала, что эмбрион не принадлежит ей, ни о чём не подозревая, выносила и родила мальчика. Девушка считает его своим сыном.

– Да, но по факту она – просто суррогатная мать. Верно?

– Ну, если брать аспект науки, то да – яйцеклетка Веры не участвовала в оплодотворении, а значит, она – не биологическая мать Богдана, а... инкубатор, если можно так вы-

разиться.

– А если сделать тест ДНК, мальчик окажется моим?

– Да, ведь набор ДНК взят от вашего сына. Значит, этот ребёнок – его близнец, только родившийся позже. Я обязательно проведу проверку и накажу всех виновных в этом деле.

Да, но сына, которому тогда был необходим этот брат-близнец, уже не вернуть.

– Прошлого не исправить. Но у тебя есть возможность исправить эту ошибку в настоящем.

– Как? – тихо спросил врач, осознавая груз своей вины.

– Езжай к Вере. Уговори её отдать ребёнка. Делай, что хочешь, но она должна отказаться от него в мою пользу.

Андрей хмыкнул и поправил галстук. Потом прочистил горло и решился высказаться:

– Вы... понимаете, что это невозможно? Мать не отдаст своего ребёнка.

– Так ты объясни ей, что она никакая не мать.

– Но Вера уверена, что мальчик – её родной сын.

– Меня не волнует, в чём уверена Вера. Даю сутки. Свободен.

3.

Вера.

Без телефона как без рук. Угораздило же потерять свой гаджет на вчерашней конференции! Сим-карту не удалось восстановить без потери контактов, теперь ищу по записной книжке от руки нужные номера.

В дверь позвонили. Бросила взгляд на часы – ещё нет девяти утра. Ну и кто такой невоспитанный ходит по гостям так рано? Распахнула дверь и увидела на пороге доктора Давыдова.

– Доброе утро, – поздоровался он со мной.

– Доброе, – удивленно ответила, совершенно не понимая, что бы он мог забыть у меня дома столь рано утром.

– Помните меня? Доктор Давыдов Андрей Евгеньевич. Вы у нас делали ЭКО, Вера.

– Конечно, – ответила я. – Проходите.

Отошла вглубь небольшого коридора квартиры, врач зашёл следом, прикрыв дверь за собой.

– Вера, разговор будет очень серьёзный. Где можно присесть?

– В гостиной, – указала я рукой на комнату слева от нас.

Мужчина прошёл к дивану и сел. Он коротко глянул на меня, поправил манжеты на рубашке, а потом собрал руки в замок и заговорил:

– Простите, что так рано, но дело не терпит отлагательств. Вера, должен сообщить вам, что спустя четыре года выяснилось, что при проведении вашей процедуры ЭКО была допущена... ошибка.

Я заволновалась. Мне уже не нравилось начало разговора. Давыдов же продолжил:

– Дело в том, что эмбрион, который был подсажен, вам не принадлежал. Его, к моему большому сожалению, перепутали с чужим, что привело нас всех в неудобную – и даже патовую – ситуацию.

– То есть вы хотите сказать, что мой сын вовсе не от того донора, про которого вы мне рассказывали?

– Да, Вера. Донором случайно оказался совершенно другой мужчина. Он хотел воспользоваться точно таким же экспериментальным эмбрионом, как и ваш. Только другим. Сотрудники лаборатории перепутали пробирки. Ваш – погиб, а второй попал к вам.

– Так, и что? – сузила глаза.

Доктор немного помялся, поправил галстук, который и без того выглядел идеально, и ответил:

– Мужчина, фактически являющийся отцом вашего ребёнка, обнаружил ошибку. И теперь он требует права на мальчика.

У меня внутри всё рухнуло в этот момент. Пальцы вмиг заledenели.

– Как это – требует права? Он ему никто, просто донор.

Ведь он подписывал об этом документы. Как этот донор узнал, что ребёнка выносила и родила именно я? Ведь вы обещали мне конфиденциальность. Вы что – раскрыли ему мои данные? Вы хотите, чтобы я в суд на вас подала за это?

– Вера, успокойтесь, пожалуйста. И дослушайте. Простите. У меня не было выбора. Этот мужчина – очень влиятельный, он сам откуда-то достал эти данные. Я лишь подтвердил, что вышла ошибка. Он не донор. Тоже пациент, как и вы. Этот человек хотел оплодотворить суррогатную мать. Он знает о том, что у вас оказался его эмбрион.

Это что ещё за мужчина такой, у которого столь длинные руки, что даже к доктору в картотеку смог залезть? Или Давыдов попросту блефует. Не хочет говорить, что сам информацию и предоставил.

– Значит, так, – я поднялась и сложила руки на груди. – Я ничего не знаю. Богдан – мой сын, и я никому его не отдам, даже если выяснится, что его донор – сам президент. Ваша ошибка – вот и разбирайтесь с ней сами. А меня оставьте, пожалуйста, в покое. Ему нужен сын – так пусть сделает ещё одного. Мужчине это явно проще, чем выносить и родить другого мне. Я могу вообще больше не иметь детей. Вы ведь знаете, почему я делала ЭКО без мужа.

– Да, знаю, – почесал макушку врач. – Вера, вы правы. Но я тоже оказался в этой ситуации по вине всего одной ошибки. Роковая случайность. Поймите, этот мужчина... Он вас всё равно не оставит в покое. Этот ребёнок был очень важен для

него. Он не сможет родить другого такого же.

– Почему это?

Теперь уже встал Давыдов и нервно заходил по комнате.

– Вы не всё знаете. Эти материалы были для вас засекречены. Разработки только начинают получать практику. Этот эмбрион... не обычный ребёнок. Он – клон. Погибшего сына этого донора. Другого такого уже не сделать. И поэтому он намерен отобрать Богдана. Это его сын, а не ваш.

– Что? Клон? Вы серьёзно? – брови поползли вверх.

Да нет, такого быть не может! Фантастика какая-то.

– Да. Медицина уже вышла на новый уровень. Я ведь говорил, что эмбрион экспериментальный. Вы стали частью этого эксперимента и должны были выносить клона, только другого. Но к вам попал сын этого мужчины. Понимаете, мальчик... болел. Его было уже не спасти. И тогда его отец обратился в наш центр, чтобы мы клонировали ребёнка.

Господи, на самом деле, история ужасная... Очень печально. Но выходит...

– И мой эмбрион, он тоже?..

– Да, он тоже был клоном. Пробирки перепутали. А вы родили чужого сына. Если донор обратится в суд, вероятно, вы проиграете, потому что мужчина, как я уже ранее сказал, весьма и весьма влиятельный. Биологически вы Богдану не мать, выносили его и воспитали, но вы ему... чужая. Лучше по-хорошему пойти донору навстречу, потому что по результату теста ДНК он будет отцом на все девяносто девять

целых и девяносто девять в периоде процентов. И всё равно его заберёт. Поверьте мне как врачу, я знаю, что говорю.

О том, что у учёных получилось создать первого клона, информация известная. Но что я стану одной из тех, кто выносит и родит такого ребёнка, я не могла и подумать. Давыдов весьма туманно изъяснялся по поводу материала и донора для моего будущего малыша, но я так хотела сына, что половину информации просто прослушала и не придала значения. И всё подписала, что согласна...

Но это ничего не меняет. Богдан мой, я не намерена его отдавать, и неважно, родной он мне или нет.

– Так, ну хватит. Мне неважно, что хотел этот мужчина, имени которого вы мне даже не сказали. Он что, настолько знаменит?

– Да.

– Ну и чёрт с ним! Ребёнка не отдам. Уходите немедленно, или я вызову полицию.

– Вера, вы не знаете, с кем вы связываетесь. Отдайте ему ребёнка, я готов на любые ваши условия. Мы сделаем вам бесплатно ещё одно ЭКО, поможем выносить, родить, выходить, только соглашайтесь. У нас у всех будут очень большие проблемы.

– Нет, – меня вдруг начал разбирать истерический смех от нереальности всего происходящего. – Вы себя слышите, что вы вообще предлагаете? У вас самого дети есть?

– Да, но...

– Вы их кому-нибудь отдадите? – перебила его.

– Нет, – вздохнул Андрей Евгеньевич.

– А почему меня об этом просите и пугаете каким-то сумасшедшим мужиком? Я искренне сочувствую его потере, но ведь он должен понимать, что Богдан не имеет к нему никакого отношения, даже если он и является биологическим отцом! Я и ребёнок не виноваты, что вы там что-то все дружно перепутали!

– У меня не та ситуация совершенно. Сравнение тут неуместно.

– Я сказала, нет! Разговор закрыт. Уходите.

Я отвернулась от него, ожидая что он уйдет наконец. Давыдов поднялся, ещё потоптался и выдал свой последний козырь.

– А деньги? Давайте, я куплю у вас мальчика. Сколько вы хотите? Миллион? Хотите – два? Рублей, разумеется. Я согласен. Называйте сумму.

Я обернулась, сверля его злым взглядом:

– Да вы вообще уже обалдели, что ли? Вон отсюда! Мозги себе купите на эти деньги. ОБА!

Доктор махнул рукой и пошёл к выходу. У двери он обернулся:

– Зря вы. Пожалеете ещё, что пошли ему наперекор. Я предупредил.

Дверь за ним захлопнулась.

4.

Давыдов ушёл, а я так и осталась метаться по комнате в квартире, которая показалась вдруг слишком тесной, мне было нечем дышать. Дрожащими руками приоткрыла окно и вдохнула морозный воздух.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Пришло успокоение, дыхание выровнялось. Теперь можно подумать.

Итак, что мы имеем:

Какой-то мужчина, который был не донором, а желающим оплодотворить через ЭКО суррогатную мать, выявил ошибку. Он хочет забрать моего ребёнка. Потому что это ЕГО сын.

Я никогда не думала об этом, но, когда столкнулась с тем, что кто-то пытается претендовать на моего ребёнка, очень испугалась. Как это он его заберёт? А я? Я не смогу без Богдаши. Он – моя семья, мой сынок. А он как без мамы? Этот мужик что – совсем с головой не дружит? Как можно разлучить мать с ребёнком? Даже если он мне по факту не родной – я его носила, кормила, рожала. У меня с ним самая настоящая связь матери и сына, и плевать нам обоим на гены и клетки, на всю их науку и медицину!

Действительно, после результата ДНК, вероятно, он будет признан отцом. Но я ведь не знала ничего! Любой суд встанет на защиту матери в такой ситуации. Квартира у меня есть

– пусть в ипотеку и платить ещё долго, – но она есть! Мне дали этот кредит по большому знакомству в жилом комплексе. Незамужним ипотеку не дают, но выход есть всегда, если очень стараться.

И теперь я его обязательно найду. Не знаю, кто ты, тот, кто хочет отнять моего сына, но ты не получишь его. Живая или мёртвая – я тебе его не отдам!

Ещё вдох-выдох. Я спокойна. Я всё решила. Если он так хочет – будем судиться. Ведь не может же мир быть настолько несправедлив? Богдан ему что – игрушка? Он ведь должен учитывать его желание быть рядом с мамой, мальчик ещё маленький. Да и как себе папаша представляет его появление в жизни сына? Что я ему скажу? На самом деле, вон тот злой дядя – твой папа, и он хочет тебя отнять насовсем? Ребёнок ни за что его не примет. Сын будет чувствовать враждебный настрой этого псевдоотца к матери.

Ну, пусть попробует объяснить ему сам, откуда вдруг взялся папа, если будет продолжать настаивать на отцовстве.

Игорь.

– Найди того, кто напортачил с этим проектом. Хочу видеть его у себя.

– Понял, Игорь Сергеевич.

Говорил по телефону, когда раздался стук в дверь. В кабинет заглянула секретарша.

– Подожди, – сказал в трубку и вопросительно глянул на

неё.

– Доктор Давыдов пришёл, Игорь Сергеевич.

– Зови, – кивнул и вернулся к трубке. – Перезвони через час.

Повесил трубку и положил телефон на стол, откинулся на спинку кресла. Наблюдал за Давыдовым, пока он шёл по кабинету и садился напротив.

– Добрый день.

– Добрый. Как продвигается дело, Андрей Евгеньевич?

Он хмуро помолчал.

– Никак. Простите. Я не смог уговорить её.

Устремил ледяной взгляд на него. Я очень не люблю, когда мне иду наперекор. И не выполняют моих поручений.

– Может, плохо объяснял? – спросил его.

– Перепробовал всё, что мог. Предлагал ещё одно ЭКО, любую помощь, даже деньги.

– А она что?

– К чёрту послала и выгнала меня вон. Вера наотрез от всего отказалась. Она не отдаст ребёнка.

Помолчал немного, задумавшись. До этого момента были мысли поискать решение для нас обоих, я нисколько не собирался умалять ее заслуги как матери. Честно признался себе, что поддался эмоциям, когда речь зашла об Артёме. То есть о Богдане...

Когда эмоции отошли на задний план, я стал искать рациональное решение. Всё же она мать, не стоит так кардиналь-

но ее вычёркивать из жизни ребёнка. Я хотел как минимум положенную мне половину прав на сына.

Но теперь...

Не отдаст... Что ж, посмотрим, насколько ты тверда, Вера. Пусть скажет это в глаза и покажет уже мне, какой она крепкий орешек.

– Я вас понял. Материалы для суда готовы.

– Вы намерены всё же судиться? – заискивающе посмотрел на меня Андрей.

Он знает, что будет глобальный скандал для его медицинского центра в случае судебной тяжбы. Но мне плевать – не надо было косячить. И вообще – бесит, когда люди логику не могут включить. Зачем переспрашивать, если и так ясно выразился? Куда ещё они мне нужны? Любоваться на эти бумажки? Только время моё тратит.

– Если я попросил документы для суда, это значит – что?.. – обратился к нему.

– Что вы намерены обращаться в данный орган, – откликнулся он.

– По-моему, понятно было сразу, что вариант ответа один. Готовь, передашь мне. Свободен.

Отвернулся от него, взяв в руки ежедневник. Очередной тяжёлый день, когда некуда даже обед воткнуть нормальный, но мне нужно найти время для Прибрежной. Она напросилась на личную встречу с Игорем Тихомировым.

Давыдов молча ушёл, а я стал прикидывать, на какое вре-

мя можно было бы её вписать. Например, на время ужина. Сделал пометку, взял в руки трубку и набрал внутренний номер безопасников:

– Это Игорь. Возьмите у Владимира данные Веры Прибрежной. Она должна быть сегодня в ресторане в восемь вечера. Он знает, какой ресторан. Работайте.

Завершил диалог. Нажал кнопку селектора.

– Да, Игорь Сергеевич? – ответила тут же секретарша.

– Забронируй стол на восемь вечера в ресторане. Будет гостя, пусть её внесут в список. Запиши имя – Вера Прибрежная.

– Я поняла. Всё сделаю.

Отключил связь и снова на время задумался.

Вера, Вера... Что ж ты нарываешься? Даже не предложила никаких мирных вариантов, обсудить как-то вопрос, просто выгнала врача, ещё и послала. Я же тебя теперь раздавлю как блоху, и невинные глазки овечки тебя не спасут. Хочешь потягаться со мной?

Попробуй.

5.

Вера.

Вышла из офиса и уже направилась было к машине, как передо мной откуда ни возьмись появились трое мужчин в чёрном и окружили.

– В чём дело? – не на шутку испугалась и застыла на месте, переводя взгляд с одного на другого.

Уже темно, на дворе зима, поздний вечер, и на улице почти никого нет. Сколько раз обещала себе на засиживаться до темноты, но работа была неотложная.

– Не бойтесь. Вера, вы приглашены на ужин с Игорем Тихомировым. Садитесь в машину.

– С... кем?! – открыла рот от удивления.

Игорь Тихомиров? Пригласил меня на ужин? Это всё равно, что министр обороны позвал бы меня с ним выпить кофе. Подозрительно как-то, но как сбежать от них?

– Поедемте, Вера.

Не успела я и шага ступить в сторону, как сильные руки вцепились в меня, хватая за предплечья, и потащили к джипу, который стоял недалеко от нас.

– Да пустите! Куда вы меня ведёте? – тянула я руку, но мужчина в чёрном был сильнее, и к тому же ему стал помогать второй, потому что я слишком сильно упиралась каблучками в асфальт. – Эй! За похищение сажают.

Не поняла сама, как они так быстро это проделали, но меня просто закинули в открытую дверь машины на заднее сидение. По бокам уселись двое и закрыли двери, заблокировав меня в середине, а третий сел на водительское место. Завернул машину и поехал.

Сердце бешено билось в груди. Я крутила головой и лихорадочно думала. Что они хотят вообще, понять бы? Тогда бы я постаралась придумать, как быть.

– Куда мы едем?

Быть зажатой между ними не очень приятно. И страшно.

– В ресторан, – бросил ленивый ответ тот, что говорил со мной изначально.

В ресторан? Странные насильники. Сначала они кормят жертву или набираются сил сами?

– Зачем? Я вам там к чему нужна?

– Ты нужна не нам, – посмотрел на меня молодой мощный парень. – С тобой хочет говорить Игорь Сергеевич. Поэтому перестань трястись и успокойся. Ничего плохого мы тебе не сделаем. Особенно если не будешь упираться. И болтать!

Я замолчала. С остальными просьбами одного из лысых амбалов не справилась – трястись и бояться не перестала. В голове носились испуганными бабочками самые разные мысли.

Что могло понадобиться от меня Игорю? Тихомиров меня в лицо-то не помнит, потому что я на совещании с ним была только один раз – и то потому, что начальница силь-

но заболела и не смогла присутствовать сама, послала меня. Единственной причиной, которая могла как-то связать меня и Игоря, был потерянный накануне гаджет в конференц-зале. Но какой повод? Он нашёл мой телефон и решил передать мне его лично? Ничего не понимаю, от этого ещё больше дрожу.

Не сказала бы, что руководитель строительного концерна – приятный собеседник. У него слишком мало времени на личные встречи, и уж точно для меня места в его жизни бы никогда не нашлось. Значит, я что-то сделала, чем обратила на себя внимание Тихомирова. Но что? Не могу догадаться, но вряд ли это нечто приятное для меня.

Пока я размышляла, мы успели доехать и припарковаться у одного из самых помпезных ресторанов. Ну, кто бы сомневался, что такой, как Игорь, проводит вечера только здесь. Я неплохо зарабатываю, но в этом заведении мне хватит разве что на сок вместо полноценного ужина.

– Выходи. И без глупостей, – услышала я голос своего провожатого.

Пришлось идти будто под конвоем, потому что лысый снова клешней вцепился в моё пальто, и убежать у меня всё равно бы не вышло. Ну, вроде бы за Игорем не было замечено никогда каких-то грязных дел, возможно, мне нечего бояться, на самом деле. Паниковать ещё рано. Но способ, который Тихомиров выбрал для приглашения на разговор, более чем странный. Не очень дружелюбный как минимум.

Мы прошли мимо нескольких общих залов в коридор с вип-комнатами и остановились возле одной. Лысый посту- чал в дверь.

– Входите, – раздался мужской голос из глубины комнаты. Мужчина в чёрном открыл её и сказал:

– Вот она.

Он пихнул меня в спину, заставив зайти внутрь, и закрыл за мной дверь. Мой взгляд встретился со льдом пронзающих карих глаз Игоря Тихомирова.

Мужчина сидел в кресле и изучал меня, наклонив голо- ву набок. Как будто я зверёк какой в клетке. Скользил хо- лодными глазами по мне, оценивая. Мне было по-прежнему страшно. Ничего хорошего от этого человека ждать не при- ходится. Молчание и его цепкий взгляд на моём теле давили. Я оглянулась по сторонам, не зная, что делать и что говорить.

– Добрый вечер, – произнёс Игорь.

Голос его будто резанул по ушам – низкий, глубокий, ле- дяной, как и его взгляд. Он будто пробирался под самую ко- жу, до костей.

– Здравствуйте, – ответила ему, продолжая стоять на вхо- де, как загипнотизированный его глазами кролик.

Мужчина поднял руку и указал ладонью в кресло напро- тив себя, приглашая меня сесть тоже. На плохо слушающих- ся ногах пошла к нему и присела на край. Спина была на- пряжена от волнения, я просто не смогла бы сейчас рассла-

биться под прицелом карих глаз.

– Так вот ты какая, Вера Прибрежная. Понятно, – Игорь взял в руки меню и стал изучать.

Что происходит? Он знает моё имя, привёз для разговора, но ничего не говорит, а просто изучает ассортимент ресторана. Ещё и тыкает мне, как будто я ему соседка из пятого подъезда. Нахал.

– Что я здесь делаю? – решила задать вопрос и отвлекла его от чтения.

Он поднял глаза на меня, и я вдруг похолодела ещё больше. Смотрел так, будто я сделала что-то неправильное, то, что ему не нравится.

– Узнаешь, когда я решу об этом говорить, – сказал и вернулся к меню.

Хорошее начало беседы. Приятный вечер в приятной компании. Молча сидела и смотрела на свои руки, пока он листал карту с блюдами.

– Тебе что-нибудь заказать? – спросил он так, будто мы сюда вместе приехали, чтобы просто поужинать. – Извини, я буду ужинать при тебе. Отдельного времени на разговор у меня нет.

– Спасибо, не нужно, – ответила ему.

– Как хочешь.

Он нажал на кнопку селектора, установленного для связи с персоналом, и сделал заказ только для себя.

– Через пять минут всё будет, Игорь Сергеевич!

Молча нажал кнопку отключения. Неприятный тип.

– Итак, пока несут еду, мы с тобой побеседуем, – снова уставился он на меня, как питон на свою жертву. – Ты знаешь, как меня зовут?

– Игорь Тихомиров, – ответила ему и опустила глаза.

Не могу выдерживать на себе его взгляд. Не получается.

– Ну да. Если ты работаешь на «Консалтинг» и бываешь на совещаниях с руководством, должна знать, кто у руля.

Ещё бы. Все знают эту акулу, в красках. Сожрёт и костями не подавится. И конкурентов, и неугодных «своих». Это он обо мне до этого дня навряд ли слышал, пока ему что-то от меня не понадобилось. Но спрашивать ничего я больше не решилась.

– Теперь о теме разговора. Хотя ты сегодня уже беседовала об этом с доктором Давыдовым.

Вскинула резко голову. Вот, значит, зачем он меня позвал. Страх перед этим мужчиной никуда не делся, я всё ещё прекрасно помнила, кто передо мной. Но сейчас меня стала захватывать злоба и ненависть. Пусть он хоть Папа Римский, но если Тихомиров хочет отнять у меня ребёнка – я буду сражаться с ним, пока дышу.

Уставилась на него теперь сама, не мигая:

– Ясно. Вы – донор Богдана.

6.

Игорь.

Даже немного удивился, как резко изменилось её поведение, и атмосфера в комнате тоже будто заколыхалась вокруг нас. Тонкая, невысокая – и вдруг такая энергетика в ней. Сейчас снесёт меня своим внутренним цунами. Нечасто я встречал столь ощутимую бурю в женщине.

Она кажется куда интереснее вблизи, чем на фото. Там она тоже весьма мила, даже жаль, что обстоятельства знакомства у нас не очень приятные. В жизни ещё более красивая, ловлю себя на мысли, что разглядываю её. Глазу даже придраться не к чему. Хорошенькая девочка. Но придётся мне её чуть-чуть обидеть. Я не мразь и с женщинами никогда не воевал, но здесь слишком серьёзный вопрос. Извини, малыш, но каждый сам за себя. Я тоже люблю своего сына. Он тебе достался не по праву.

До этой минуты мне было комфортно. Я находился на своей территории и в привычных условиях – девушка дрожала и боялась того, что я ей скажу. Но как только речь зашла о мальчике, она будто спичка вспыхнула. Вера злилась, я чувствовал её эмоции, будто она открытая книга сейчас.

Взгляд какой дерзкий стал. Неужели вдруг перестала бояться? Зря.

Поменял позу, положив ногу на ногу, и снова заговорил:

– Да. Только не донор, а отец. Соображаешь, умница.

– Тут не нужно много мозгов, чтобы понять. Вы не могли знать, что ко мне приезжал Андрей Евгеньевич. Если только... не послали его сами.

Ну, хоть логические цепочки строить умеет, уже неплохо. Ненавижу общаться с тугодумами.

Вера сложила руки на груди, закрываясь или будто защищаясь от меня этой позой, и спросила:

– И что? Вы считаете, что у вас лучше получится уговорить отдать моего сына?

Она нервничала, я же был спокоен. Я уверен в исходе этого дела.

– Полагаю, что да.

От моей наглости она на время растерялась.

– Прочти, – положил возле неё папку с документами, которая до этого лежала на краю стола.

Она с секунду смотрела враждебно, потом взяла папку в руки и развернула. Какое-то время вчитывалась, хмурилась, мило кусала губы, задумавшись. Плохая привычка, особенно во время делового разговора.

– И? – сказала она, когда отложила в сторону бумаги и снова подняла на меня взгляд своих голубых глаз. – Всё это мне уже поведал Андрей Евгеньевич.

– Это материалы для суда. Я так понял, что мирно решить вопрос у нас не получается?

– Нет, – с вызовом ответила она.

Смелая. Но ей это не поможет.

Наклонился чуть ближе, и Вера невольно вжалась в спинку кресла:

– Ты проиграешь, пойми. Мы оба только время потеряем. Меня признают отцом, как бы ты ни сопротивлялась, будет по-моему.

Мои слова ранили её, заставив растерять былую дерзость, но потом девушка взяла себя в руки:

– Подавайте в суд. Я тоже найму адвоката и найду, что сказать. Я не отдам Богдана. Мира не будет.

А вот теперь ты, Вера, меня разозлила.

Вера.

– Я подам, не переживай. Вот только у тебя ещё есть шанс согласиться решить вопрос мирно, – сказал Игорь.

Я смотрела в ответ в глаза твёрдо, но внутри меня бился страх. И он стал в разы больше после этой фразы. Тихомиров ведь действительно многое может. А я – нет.

– Вы мне угрожаете? – спросила его, пряча истинные эмоции.

– Предупреждаю. Пока у тебя есть хорошая работа, есть чем платить за ипотеку – в МОЁМ жилом комплексе, кстати – я советую подумать. Поискать мирное решение. Ты ведь знаешь, что даже если я не стану отнимать у тебя права на ребёнка, его не отдадут под опеку матери БЕЗ жилья.

Лёгкие тут же стянуло. Он готов меня просто растоптать

ради своей цели? Ему ничего не стоит меня уволить так, чтобы потом и туалеты мыть не взяли. Тогда квартиру заберёт банк за неуплату кредита, а может, и сам Тихомиров. Я знала, что дома принадлежат ему, но не думала, что мне это когда-то может выйти боком. Хочет лишить меня всего, чтобы суд отдал ему Богдана, а на матери-бомжу? Мои шансы остаться опекуном в самом деле упадут до нуля...

– Вы понимаете, что ребёнка травмируете, если лишите его матери?

– Вы будете общаться. Я не запрещаю.

Он говорил так, будто уже выиграл и меня со счетов сбросил. Мне ужасно хотелось его ударить, я еле держалась. И еще зарыдать хотелось.

– Богдан будет плакать без меня. Он даже уснуть не сможет в вашем доме. Ваш дом ему чужой, вы ему тоже чужой. Сын вас совсем не знает.

– Ты pomoжeшь нам подружиться.

– Я не буду этого делать!

– Будешь.

– Нет, – твёрдо ответила, пытаясь игнорировать тугой комок в горле.

– Так, достаточно, – вдруг оборвал наш спор Игорь.

Он достал из папки ещё документы и положил их передо мной. Сверху упала ручка.

– У меня больше нет ни времени, ни желания с тобой спорить. Последний раз по-хорошему предлагаю – подписывай.

– Что это? – спросила, догадываясь и сама.

– Признание меня отцом, – не моргнув глазом, ответил Тихомиров.

Но я не готова его признавать! Тогда он точно заберёт Богдашу. Какой он, к чёрту, отец! Его не было в нашей жизни, когда я рожала, выхаживала маленького сына, не спала ночами, а потом тянула нас обоих одна. А теперь он внезапно хочет стать отцом МОЕГО ребёнка?!

– Я не буду подписывать. У Богдана есть только мама.

Игорь глянул на меня так, что я невольно собралась в ком под его ледяным взглядом.

– Сказал, подписывай, – тихо повторил он.

Даже голоса не повысил ни на тон, а я снова вся затряслась.

– Нет, – снова упёрлась я.

Тихомиров протянул руку, схватил мою ладонь и сунул в пальцы ручку насильно.

– Пиши, – прорычал он.

Не говоря ни слова, просто пульнула эту ручку в него и угодила в район груди. Она отскочила от него и со стуком шлёпнулась на пол. Мужчина проследил за ней взглядом, а потом вернул его на меня.

Что я наделала? Я кинула ручкой в Игоря Тихомирова?!

Застыла в ужасе. Он меня сейчас по стене размажет просто. Зря я, но это был порыв эмоций, проконтролировать который я не смогла. Он нарушил моё личное пространство,

схватив за руку, и я отреагировала.

Игорь встал на ноги, подошёл ко мне вплотную и взял ледяными пальцами моё лицо, заставив властным жестом смотреть на себя. Карие глаза даже потемнели от гнева, они метали гром и молнии:

– Сколько времени? – внезапно спросил он.

Я растерялась от его вопроса и застыла на месте. Потом неосознанно вцепилась в его руку, пытаюсь убрать. Не хочу, чтобы он касался меня. Никогда.

– Отвечай на вопрос. Часы висят на стене. Читать стрелочки умеем?

– Восемь сорок пять, – ответила ему.

– Запомни этот час, Вера Прибрежная. В этот день ты объявила войну Игорю Тихомирову.

Он небрежно бросил мой подбородок, отошёл в сторону и отвернулся.

– Пошла вон отсюда.

Дважды просить меня не пришлось. Я схватила дрожащими пальцами сумку и пулей вылетела из комнаты, чувствуя направленный в мою спину острый, как нож, взгляд Игоря.

7.

Бежала из этого ресторана не оглядываясь.

От кого бежала? Не знаю. Не думала же я, что Игорь или его амбалы вдруг побегут за мной? Но ноги несли, и лишь оказавшись на улице, я растерянно остановилась.

Моя машина осталась на парковке у офиса. Придётся вызвать такси. Всё ещё мелко трясущимися руками открыла меню телефона и стала заполнять данные в приложении.

Адрес... Чёрт, какой тут адрес? Огляделась, но таблички не нашла на здании.

Пришлось возвращаться и спрашивать у сотрудников местонахождение их прекрасного заведения, которое я, надеюсь, больше не увижу. Ассоциации будут неприятные.

Уже сидя в машине, немного начала успокаиваться. Я так долго не выдержу и поймаю нервный срыв. Едва этот мужчина появился в моей жизни, как я дышать спокойно перестала. Почему он вообще узнал об этой ошибке? Почему именно он? Не мог оказаться донором Богдана какой-нибудь простой смертный, а не этот Господин Жизни? За что я так провинилась перед небесами, что отец моего сына не водитель поезда, а легенда строительного бизнеса Игорь Тихомиров?

Я знаю его имя давно. Еще с тех пор, как только устроилась в «Консалтинг». В каждой компании любого работника всегда знакомят заочно с теми, кто играет в отрасли рабо-

ты фирмы главенствующие роли. Таковую занимал Игорь. Я слышала о нём много и часто и сделала выводы, что человек он жёсткий, требовательный, не умеющий прощать ни других, ни себя. Семьи у него почему-то нет, хотя на фото он казался довольно привлекательным мужчиной.

В холле лежали бизнес-журналы, где часто публиковались статьи о Тихомирове с фотографиями. Когда впервые увидела его лицо крупным планом, невольно рот открыла и засмотрелась. Мужественные упрямые губы с чёткими линиями, твёрдый волевой подбородок, небольшая аккуратная щетина, которая ему безумно шла, и глаза...

Карие глаза даже с фотографии пронзали насквозь. Я смотрела в них на глянце, и мне было холодно, вот прямо физически ощутимо. Я даже его фотки боялась на полном серьёзе! Представляла, каково это – встретить этот взгляд живую! Боялась, что умерла бы от страха сразу же.

Закрыла этот журнал и убрала обратно. Бр-р! Неприятный тип, хоть и красивый, прямо сил нет не смотреть на него. Удивительно, что Игоря пока так никто и не окольцевал. Лакомый ведь кусок для тигриц. Да даже я так считаю, если честно, хоть и не тигрица.

Однако, Тихомиров не выходил из головы, почему-то его глаза будто вжились в подкорку. Я раз за разом возвращалась к этому журналу и опять смотрела на него. Потом снова убирала и говорила себе, что веду себя как дурочка, но через пару дней возвращалась и опять смотрела на фото, настоль-

ко он меня тогда впечатлил.

Но такой мужчина может быть только мечтой для таких, как я – рядовых сотрудниц его компании-партнёра, коих у него тысячи. Я даже никогда не оценивала его как человека, для меня он всегда был загадочной красивой картинкой. Как кумир, может быть. Недостижимый, далёкий.

Единственное чувство было неизменным: во мне всегда Игорь вызывал настоящее уважение – дела он вёл очень талантливо. Мне, как человеку, вращающемуся в этой же сфере, было это понятно. Тихомиров – отличный руководитель, пусть и строгий. Наверное, таким и должен быть настоящий ферзь в бизнесе. Иначе он бы никогда не добился таких высот.

Потом как-то отпустило, я забыла про него. До совещания, на которое меня не так давно отослали, потому что полномочия и опыт уже позволили.

Что там говорили? Я не помню. Будто оглохла и видела-слышала лишь Игоря. Он не посмотрел на меня ни разу за всё время многочасового мероприятия, но я и не ждала. Нереально представить себе, чтобы ОН обратил на меня своё царское внимание. Тихомиров говорил, что-то рисовал маркером на доске большой и сильной рукой. Я же с трудом заставляла себя слушать смысл слов, а не его бархатный низкий голос, и только и хотела, чтобы он рассказал что-нибудь ещё. В итоге в блокноте было всего несколько сиротливых пометок, а о чём шла речь, я понимала только примерно.

Благо, я всегда включаю на важных совещаниях диктофон и дома буду переслушивать, чтобы представить доклад перед начальницей. Да и просто – буду переслушивать. Этот голос можно слушать вечно...

Эх, достанется же такой кому-нибудь... Так я думала ДО встречи с ним.

Началась история с Богданом. Откуда я могла бы знать, что отец моего ребёнка и Игорь Тихомиров – один и тот же человек? Когда я услышала о том, что меня ждёт на разговор ОН – удивилась и испугалась совершенно искренне. Это было слишком нереально. Волшебство какое-то.

А когда узнала причину... Мир будто рухнул. Моя жизнь – карточный домик, а Игорь просто дунет на него, и домик развалится так, что и не собрать назад.

Тихомиров – отец Богдана?!

Как такое могло произойти? Почему именно со мной?! Он заберёт всё что захочет, если ему это нужно. И Богдана, и меня, и даже наших рыбок из аквариума. Заставит прийти и вынуть их из воды специально обученных этому людей. Для него нет ничего нерешаемого, мне ли это не знать!

Мечтала познакомиться с ним ближе – вот и познакомилась.

«Бойся своих желаний, они имеют привычку сбываться» (с).

Или хотя бы уточняй! Мечта исполнена – мы познакомились, и я ощутила всю «прелесть» взгляда карих глаз на себе.

На самом деле, я ведь трусиха та еще. Я даже фотки его боялась, что уж говорить, что сидя в кресле сегодня мне хотелось попросить его заказать баночку нашатыря вместо ужина и периодически его вдыхать, чтобы от страха, который ел меня изнутри, оставаться в сознании. Я тряслась так, что еле смогла это скрывать.

Вся моя женская симпатия к нему отошла на задний план, стоило ему сказать, что это ОН.

ОН хочет отнять МОЕГО Богдана.

Сегодня я видела перед собой не просто властного мужчину, знаменитость в мире строительной сферы, но врага. И я не знаю, откуда во мне взялась смелость твёрдо стоять на своём и даже швырнуть в него ручкой. Просто очень разозлилась.

Теперь он мне эту ручку, запущенную ему чуть ли не в лицо, запомнит на всю жизнь.

Такси остановилось возле дома, и я выпала из бурного потока мыслей об Игоре. Оплатила заказ, поднялась к себе и поставила чайник на газ. Надо выпить немного чая на травах, больно нервы расшалились. До сих пор била дрожь, я даже пиджак снимать не стала, мне было чертовски холодно.

Что дальше? Неужели выполнит свои угрозы?

А почему нет? Я ему кто – да никто! Просто какая-то тётя Мотя, у которой оказался его сын. Ещё и артачится которая. Наверное, я бы на месте Игоря мне бы тоже хвост прищемила. У него есть всё для этого – власть, деньги, положение. С

чего он должен меня жалеть и понимать? Это не о Тихомирове.

Единственный, кого он пожалеет – это Богдан. Я попробую достучаться до него через сына, если он всё же выиграет суд.

Да, я намерена судиться. Не верю я, что у матери отнимут дитя. Это слишком жестоко! Судья должна меня услышать. А я в свою очередь начну тоже искать юриста, способного защитить меня. Только кто же пойдёт против этой акулы?

Ну да ладно. Раскисать ещё рано. Буду раскисать, когда он начнёт действовать против меня. Если начнёт.

Урод ещё... КОЗЁЛ!!

Фу, Вера, прекрати немедленно, ты же девушка. Ты не ругаешься. Уже все мои самые недобрые стороны разбудил, папочка хренов!

Всё. Тихо. Я спокойна. Я справлюсь.

8.

Каждый новый день просыпалась со страхом, что сегодня что-нибудь случится. Но жизнь не стоит на месте, вереница обычных дел утянула меня, и я думать забыла про Тихомирова на время.

Богдан снова заболел в саду, и мне пришлось взять пару дней больничного, потому что он больной не станет сидеть с моей мамой, ему только меня подавай. Начальница осталась недовольна и начала говорить о том, что в последнее время я злоупотребляю её добротой и "бегать по больничным" стала слишком часто. Но я ведь не специально! Однако, как и всегда – всем всё равно.

Не устаю себе это повторять. Всем плевать на меня и на моего ребёнка. Родила его себе – вот и тащи сама на своём горбу. Я не жалуясь, но порой все же очень тяжело. Лишиться работы я не могу – кто тогда будет выплачивать ипотеку? Мне придётся оставлять его с бабушкой, он исплачется сам и изведёт её, но выбора не было. Деньги за слёзы сына – отлично, но деваться мне совершенно некуда. Дай Бог, чтобы после этой очередной простуды сынишка походил хоть пару недель в сад без перебоев.

Болезнь Богдана отступила, и я отдала его бабушке, а сама помчалась разгребать завалы, которые за два дня успева-

ют собраться в офисе. Перед очередным напряжённым днём заглянула в почтовый ящик и, кроме привычных квитанций на оплату коммунальных услуг, нашла еще и письмо.

Из суда.

Так. Начинается...

Дрожащими руками вынула конверт и надорвала бумагу. Вынула два белых листа и прочла. Знала заранее, что там будет, и всё равно как ледяным душем облили.

Игорь Сергеевич Тихомиров подал на меня в суд с требованием признания отцовства и получения опекунства над Прибрежным Богданом Андреевичем. Заседание состоится через три недели, если мы не урегулируем конфликт мирно. Тут же был приложен второй лист, где Игорь Сергеевич приглашал меня на досудебную беседу через две недели.

Сердце билось в груди так, что мне казалось, сейчас оно пробьёт грудную клетку. В ушах стоял шум от крови, закипевшей по венам. Я стояла, зажав в кулаке это письмо, и никак не могла заставить себя дышать.

Он сделал это. Хотелось плакать, но отчаиваться нельзя. Мне нужно ехать. Слёзы сами полились из глаз. Нельзя садиться в таком состоянии за руль, и я стала спешно вызывать такси, утирая слёзы, из-за которых не видно было кнопок телефона. Стала ждать машину.

Ну что же, пора искать активно юриста. Сомневаюсь, что на этой досудебной беседе мы сможем договориться. Права – полбеда, и то я не согласна, но опекунство? Он вообще не

в себе уже?

Приложение оповестило меня, что такси подано, и я вышла из подъезда, все ещё сжимая в руке белые бумажки. Сунула с раздражением их в сумку, попыталась успокоиться. Мне ещё целый день работать. Зря я заглянула в ящик с утра, испортила себе только настроение. Но предупреждён – значит, вооружён.

Добралась до работы без пробок и вовремя, у меня даже осталось время, чтобы выпить кофе и привести нервы в порядок, хотя это не очень-то просто. Чувствовала я себя беспомощной мухой, которую Игорь Тихомиров мечтает прихлопнуть. И может.

Прошла мимо своего отдела к кофемашинам и нажала на кнопку «Капучино». Пока аппарат готовил заказ, снова задумалась. Может, попросить помощи у начальницы? Хотя бы юриста посоветует хорошего. Она, конечно, не обрадуется суду с Тихомировым, но рано или поздно она все равно узнает. Уже через четырнадцать дней у нас беседа во время рабочего дня – мне придётся показать Ларисе письмо, чтобы она меня туда отпустила. Не пойти не могу – я должна знать, что задумал этот человек.

Пока кофе пила, ко мне подошла Рита Сазонова. Она – моя коллега по отделу и подруга. Ей я могу доверить всё. И, конечно, она не могла не заметить моё белое, как простыня, лицо.

– Доброе утро.

– А? – обернулась я, взглянув на неё растерянно. – Привет, Рит.

Она окинула меня ещё более внимательным взглядом. Купила и себе порцию кофе и встала почти вплотную со мной, чтобы другие сотрудники, тоже заряжавшиеся бодрящим напитком с утра, не могли услышать нас.

– А теперь рассказываем, Прибрежная, – сказала мне подруга. – Я такого лица у тебя никогда не видела. Не ври, что у тебя умерли рыбки.

– Не вру. Рыбки живы, – ответила ей и отпила кофе ещё.

– Рассказывай, – настаивала Рита.

Молча достала смятые бумажки из утреннего конверта и отдала ей.

– На. Читай.

Сазонова взяла из рук листы, разгладила и вчиталась в текст.

– Чего?! – спустя минуты две заорала она на всю комнату отдыха, а потом вспомнила, что мы тут не одни, и стала говорить тише. – Это нельзя обсуждать тут.

– Ну, как бы да, – хмуро отозвалась я.

– До обеда подожди. Это ж капец, – покачала головой Ритка.

– Спасибо. Поддержала, – глянула на неё.

– Так. Не раскисать, ясно? Дел вагон. Пошли, переделаем все, в обед поговорим. Тебя и так тут все потеряли, пока Богдан болел.

9.

До обеда я дотянула худо-бедно. А в перерыв Ритка утащила меня в кафе подальше. Пообедали на скорую руку, и она пересела на диван поближе ко мне:

– Ну? Что это «Письмо счастья» означает? Тихомиров в самом деле отец Богдана?!

– Рит, ну кто отец, если он подаёт в суд? – довольно нервно спросила я, и Сазонова поняла, что задавать глупых и очевидных вопросов не стоит. – Он случайно стал его донором. Получается, биологически – да, отец.

– Вот это новости... – брови Ритки скрылись за чёлкой от удивления. – Но как это вышло?

Я коротко пересказала диалог с Давыдовым, а потом и встречу с Игорем лично. И о том, что закончилась она не очень-то хорошо...

– Клон, значит... Медики уже начали воплощать в жизнь своё мега-открытие.

– Да, клон, – подпёрла я подбородок рукой.

– Тогда это объясняет, почему вы оба попали в один и тот же центр. Только там занимаются данным вопросом. Ты еще и деньги немалые отдала за беременность.

Подруга не знала всех подробностей. Но теперь смысла утаивать я не видела.

– Рит, я не платила за ЭКО.

– По медпоказаниям сделали бесплатно? – догадалась она.

– Да. И сказали, что эмбрион создан не совсем стандартным способом. Но он обычный ребёнок. Мне хотели подсадить другого клона. Но ошиблись и оплодотворили сыном Игоря. Такая вот история.

Сазонова вздохнула и почесала задумчиво макушку.

– Вот уж точно – история. Хоть кино про вас снимай. А потом он узнал как-то про ошибку и вышел на тебя?

– Да. Я не знаю как, но узнал. Теперь он требует права на ребёнка и опеку над ним, потому что у матери нет своего жилья.

– Ну, подожди расстраиваться, – погладила меня по плечу Рита, видя, как я дёргаюсь. – Там обязательно будет психолог, который оценит положение вещей и поймёт, что он Игоря вообще не знает. Не отдадут ему Богдана. Пусть и отец, но он ему чужой, а ты мать.

– Правда? Психологи могут вступиться? – тут же уцепилась я за эту информацию, как за спасательный круг.

– Конечно. Это же травма для ребёнка.

Я смотрела на нее, а спазм, сжимавший внутри органы всё это время, ослаб и отпустил. Дышать стало легче. Может, и правда, не всё в этом мире можно решить деньгами?

– Но адвоката найми. Так вернее будет.

– Найму, – кивнула я. – Сегодня же займусь этим.

Мы немного помолчали, а потом Ритка снова заговорила:

– Нет, ну-у-у... С одной стороны, я могу его понять.

– Игоря? – вскинула я брови в удивлении. – А меня кто-нибудь попытается понять в этой жизни?

– Да не бузи, – осадил меня подруга. – И тебя понимаю. Но ты не знаешь, какая была трагедия с его семьёй? Иначе бы так не говорила.

– Откуда бы мне знать? Мне не было это интересно.

– Да я тоже не коробочка для сплетен, просто я-то работаю давно здесь. И эти все события разворачивались при мне. Тихомиров пытался скрыть всё от прессы, но разве это возможно?

– И что с ним произошло? – спросила я, понимая, что речь сейчас пойдёт о его сыне.

– Ну, про его ребёнка ты уже поняла. Но началось с того, что его жена разбилась на машине вместе с водителем. Мальчик тогда еще был совсем маленький и уже болел. Чем – никто не знает, Игорь ненавидит об этом говорить и скрывает подробности – ну ещё бы. Так вот, после потери матери болезнь ребенка стала прогрессировать. Он искал способы помочь сыну, всё перепробовал, видишь, даже клона пытался сделать. Но ничего у него не вышло, и деньги никакие не помогли. Это было как раз четыре года назад. Когда ты забеременела.

Слушать это было очень тяжело. Мне вдруг стало больно за Игоря. Грустно и страшно за маленького мальчика, которого не спас даже такой всесильный папа. Невольно на глаза набежали слёзы. Ну за что мир так несправедлив? Даже

к детям.

– Очень печально. Я бы никому не пожелала такой доли.

– Ну да. С тех пор он один. Успокоился, пришел в себя, вернулся к делам. Только зверем рычит, когда речь заходит о еще одной жене и ребёнке. Наверняка ему говорили родные – женись снова, пусть жена родит тебе другого. Перестанешь так страдать. Но он никого не слушает. Тихомиров всегда всё делает по-своему. Теперь понимаешь, как его накрыло, когда он увидел Богдана? Как-то же он о нём узнал.

Кивнула. Руки дрожали от нервного напряжения из-за всей этой истории. И в моём сердце настырно поселилась жалость к этому мужчине, прямо ничего не могла поделать с собой. Стала смотреть на ситуацию иначе.

– Я понимаю. Мне безумно жаль его, но ведь он должен понимать, что мой Богдан – не лекарство от боли? Он даже по характеру, наверное, совершенно другой. Богдан – не его сын. По крайней мере не тот же самый.

– Думаю, понимает. Но его бомбануло, Вера. Поэтому всё так.

Мы снова помолчали. Нет, всё же он меня больше бесит, чем вызывает жалость. Меня Игорь не пожалел. Он заставит, по сути, пройти всё то же самое меня! А ведь должен вроде бы понимать, что это такое и что я испытываю сейчас.

– Я всё равно не отдам ему Богдана миром, – упрямо вскинула подбородок.

– Может, ты тоже слишком категорична, Вер?

– В смысле?

– Ну, почему бы не дать ему шанс подружиться с ребёнком?

– Ну уж нет, – обрubiла я Сазонову. – То, каким способом он требует права на него, меня злит. Это не Игорь нужен Богдану, а Богдан Игорю. А за сына отвечаю я. Вот пусть сначала попросит нормально.

– Подумай, Вера. Всем нужен папа – так же, как и мама. Другие судятся, чтобы признали отцом насильно, а ты твоего внезапно нарисовавшегося папашу гонишь.

– Потому что он угрожает. Работы лишу, квартиры. Это что – способ борьбы с женщиной? С матерью, если уж на то пошло, его ребёнка?

Я была просто возмущена, что Рита вдруг стала защищать Игоря! Меня бы кто защитил от него.

– Я думаю, это всё-таки эмоции. Он не ублюдок, такого не водилось за ним никогда. Просто ты сразу ошетибилась, резко отказала. И тебя можно понять, и его. Подумай также и о том, что Тихомирову ничего не стоит не только разрушить твою жизнь, но и устроить.

Устроить? Задумалась невольно.

Ну, вообще-то да. Если бы мы решили вопрос мирно, наверняка он бы устроил жизнь Богадаши, а значит, и мою.

– Боюсь, что если позволю ему получить права, он совсем заберет сына у меня. Вон, уже и опеку требует...

– Требует? Пусть. Он может миллион долларов от тебя

потребовать, но это не значит, что он их получит. Суд и психологи разберутся. В нашей стране защищают прежде всего права матери, потому что это напрямую влияет на психику ребёнка. Так что не факт, что опеку отдадут ему, даже если он лишит тебя всего. Но звучит не очень, конечно. Однако, ты, Вера, уже постаралась для этого. Ты хорошо подумала, в кого ты ручки швыряла, м?

Опять стало стыдно. Наверное, Сазонова дело говорит, и эти стороны проблемы я даже не видела, пока она их не обозначила. Псих меня начал отпускать, и я стала оценивать ситуацию более трезво.

– Я не хотела. Он сам напросился, – теребила я смущённо в руках салфетку.

– Не хотела, но кинула.

– А ты бы что сделала? – вскинулась я. Все против меня! – Молчала бы сидела? А если бы твоего Димку попытался отнять один из участников привилегированного списка нашего союза компаний, ты бы как поступила?

– Нет, не молчала бы, – отбила Сазонова. – За своего Диму я бы выгрызла ему бронхи!

Её глаза загорелись праведным гневом.

– Серьёзно? А меня что тогда ругаешь?

– Блин... Ну это же Тихомиров...

– Да хоть принц Персии! Я ему ребёнка не намерена отдавать.

– Это понятно. Но ты не забывай, что у тебя сына требует

не кто-то, а Игорь. Даже лучше бы принц Персии требовал. Было бы проще. Лариса не знает?

– Нет ещё.

– Надо сказать. Все равно узнает.

– Скажу.

Мы обе погрузились в невесёлые мысли. Рита не знала, что ещё на всё это сказать, а я просто нервничала.

– Как у вас всё сложно, ребята. Мой тебе совет, Верунчик, иди на эту досудебную беседу не с враждебным настроением. Попытайся его услышать. Ты сейчас на эмоциях, соображаешь не очень хорошо с перепугу – уж извини, но я-то тебя знаю. Постарайся успокоиться и думай о том, что ребёнку Игорь зла не желает. Он любил сына, а теперь, возможно, сможет полюбить и твоего. У Богдана появится папа, у тебя – защита. Это ведь совсем не плохо. Ты разве не задолбалась тащить всё на себе? Он может твою ипотеку погасить за пятнадцать минут. Один звонок – и всё. Он может её даже просто списать, это ведь его комплекс! Для него это не деньги. Подумай об этом.

10.

Как мне ни хотелось бы отсрочить разговор с начальницей, но смысла тянуть кота за хвост нет ровно никакого. Мне придётся всё равно сказать, что Тихомиров подал на меня в суд. Раз уж письмо сегодня с собой, заодно и покажу сразу, когда мне необходимо отсутствовать на рабочем месте.

Представляю, какую головомойку мне устроит Лара, когда узнает о войне с Игорем. Как бы не уволила вообще, боясь гнева высшего руководящего состава. Даже несмотря на её ко мне хорошее отношение, я теперь опасна для неё, как ни крути. Каждому своя рубашка к телу ближе!

Ещё днём я попросила её задержаться вечером для важного разговора. Можно было и после обеда поговорить, но признаюсь честно – я струсилa. Мне не хватило силы духа. Но теперь отступать некуда. Нужно идти.

Дождалась, когда часы перевалили отметку, означающую конец рабочего дня, отложила папки с эскизами, выключила компьютер. Поправила волосы, расправила одежду. Нервничала, и эти жесты скорее были уже неврозом, нежели мне действительно требовалось привести себя в порядок.

Взяла свою сумку, положила в неё телефон. Ещё раз оглядела стол – всё ли убрала? Время умышленно тянула. Но мне неудобно, когда меня ждут. Вздохнула и отправилась в кабинет начальника отдела по рекламе.

– Ну, давай, что там у тебя? – нетерпеливо спросила Лариса, стоя возле стола.

Она тоже собирала папки в стопку и мечтала поскорее отправиться домой. А тут я с сенсационными новостями...

Я помялась немного, потом подняла на неё глаза и заговорила:

– Лариса, у меня тут проблемы личные. В общем, в суд подали на меня. Тебе придётся меня отпустить на досудебную беседу, ну и на само судебное заседание.

Она перестала заниматься документами и внимательно уставилась на меня.

– А ну-ка, сядь, – махнула она рукой на стул и сама уселась в своё кресло. – Рассказывай, чего натворила? Ты знаешь, у нас скандалы в компании не терпят.

– Знаю. Потому и говорю. Пока еще суда не было. Я рожала сына через ЭКО. В общем, выяснилось, что донором Богдана был... Игорь Тихомиров.

– Чё?? – Лара чуть не выпала из кресла и выпучила глаза на меня. – Тихомиров? Наш Тихомиров?

– Да.

Начальница ошалело смотрела на меня ещё несколько секунд. Потом пару раз моргнула, видимо, это привело её в чувство, и она заговорила снова:

– Так. И чего он хочет?

Я достала из сумки письмо из суда и отдала женщине. Та взяла его и окунулась в чтение.

– Признания отцом Богдана.

– Так признай, в чём проблема? – подняла она глаза на меня и замахала мятыми листками. – Тебе что – мощный покровитель лишний, или у твоего сына много других отцов? Тихомиров... Это ж писец, извини. Надо же так, а...

– Я не могу, – угрюмо ответила я.

– Почему?

– Тогда он отберёт Богдана.

Лариса нервно почесала затылок.

– Ну, вот что, дорогая, – придвинулась она ко мне ближе и заглянула в глаза. – Мне проблемы из-за тебя с Игорем не нужны. Ты пойдешь на эту чертову досудебную беседу и подпишешь всё, что он скажет. Ты поняла?

Меня как ушатом холодной воды окатили. Даже Лариса на меня теперь давит. Логично, но всё равно очень неприятно.

– Чего ты боишься? Он адекватный мужик. А сына своего знаешь, как любил – о-о-о-о... Такая трагедия для него была. Тебе жалко, чтоб он с ребёнком твоим общался? Да он и Богдана устроит, и из тебя звезду рекламы сделает. Не тупи и помирись с ним. Он справедливый, поверь, я его знаю лучше.

– Но я не хочу признавать его отцом. Он не участвовал в воспитании! – вскинулась я.

– Так, – одёрнула меня Лара. Тон её голоса изменился. Никогда не слышала от неё ни такого тона, ни таких слов. – Помолчи. И делай, что говорю. Извини, дорогая, но если Тихо-

миров останется тобой недоволен, у нас у всех будут проблемы. Мне придётся от тебя избавиться, если ты будешь продолжать упорствовать. Ты меня поняла?

– Поняла.

Кажется, сегодня я ещё и работу потеряла...

Чёртов Тихомиров, Властелин Мира. Чтоб тебя...

Спустя десять дней.

Все эти дни я думала над советами и шантажом Ларисы. Пришла к решению, что должна Тихомирова выслушать, иначе я потеряю работу, и в первую очередь пострадаем мы с сыном – как я его кормить стану? Ипотека опять же. Не стоит рубить с плеча всё же. Да, он меня сильно задел, напугал, но сейчас не мои чувства на карту поставлены, а судьба ребёнка.

В конце концов, Игорь ведь может помочь, может, он не такой уж и урод? Лариса сказала, что своего ребёнка он очень любил. Значит, не должен хотеть плохого Богдану. Наверное, он тоже на эмоциях многое делает.

Не могу сказать, что совсем не понимаю его – такая боль. Я бы с ума сошла на его месте! Но ведь он не может меня выкинуть из жизни сына. Он должен учитывать, что я есть, я нужна Богдаше, и никуда от этого не деться.

Если мы всё-таки не договоримся, останется надежда на психологов и судью. Мы с Риткой много гуглили, и я немного успокоилась. Далеко не всегда дают права отцам, пусть даже

они биологически детям родные. Так что я готова была идти на эту беседу не столь враждебно настроенная.

Но юриста искала всё равно. Как и следовало ожидать, трое из тех, что я нашла, отказались от дела, едва я говорила, что суд будет с Игорем Тихомировым. Четвёртый согласился, но запросил баснословный гонорар за юридическое сопровождение и представительство в суде, так как он может потерпеть убытки и проблемы после хотя бы попытки схватки с Тихомировым. Таких денег у меня нет, и мне придётся полагаться лишь на судью и психолога на процессе. Единственное, что юрист готов был сделать — составить для меня грамотные материалы для дела и объяснить, чем я должна апеллировать в зале суда. Мне пришлось довольствоваться тем, что есть, хотя это тоже приводило вечерами меня в упаднические настроения.

Богдан тоже переживал, видя, что со мной что-то происходит, и постоянно спрашивал, почему его мама так грустит, не он ли виноват в этом? Сын решил, что обидел меня он, и пришлось объяснять малышу, что он не виноват ни в чем, и маму обижает жизнь. Причины я ему назвать не могла, и пришлось уклончиво рассказать, что у мамы трудности, но скоро она всё-всё решит. Мой маленький мужчина взял слово, что я не буду плакать, и мне ничего не оставалось, как пообещать ему. И я буду стараться держать своё слово перед ребёнком.

За несколько дней до беседы с Игорем меня прямо с утра

неожиданно позвала Лариса. Даже вещи не дала оставить на рабочем месте, прямо с начала рабочего времени ждала меня в отделе. Она затолкала меня в кабинет и повернулась. Лицо серьёзное. Я запереживала. Что могло бы случиться ещё?

– Ларис, какие-то проблемы? Я напортила что-то с последним проектом?

Как раз вчера я закрыла его и сдала. Наверное, что-то не так сделала, Лара так странно смотрит на меня. Не хватало ещё...

– Ты уволена, Вера.

Мысли вылетели из головы. Я открыла рот и растерянно захлопала глазами:

– Как?.. Почему? Что я сделала?

– Поссорилась с Тихомировым. Разве не ясно? Распоряжение сверху заменить тебя.

Опустила голову. Кто бы ещё такое мог сделать? Почему он такой безбожник? Мне ведь его собственного сына теперь кормить нечем будет! У меня есть небольшие накопления, а квартира застрахована, но долго страховая не будет платить за меня в случае потери работы.

– Вер, сядь, – сказала Лариса, сложив руки на груди.

Я молча опустилась на первый попавшийся стул, глядя в одну точку.

– Послушай. Я не хотела бы с тобой расставаться. Если ты решишь вопрос с Игорем, возвращайся. Ты талантливый сотрудник, я тебя возьму назад. Но сейчас не могу оставить.

– Я понимаю. Я всех понимаю, только мне-то что теперь делать? Я ведь не замужем за миллионером, чтобы потеря работы не обернулась для меня катастрофой.

Начальница вздохнула, заметив, как я не сдержалась и захлопала носом от слёз, налила стакан воды и протянула мне.

– Верка, ну, не глупи. Сделай, как просит Игорь. Ты только выиграешь от его покровительства. Видишь, как он давит? Твоё место решил показать, чтобы не забывалась, с кем ты воюешь. Будешь артачиться и дальше – он тебя совсем утопит и не пожалеет. Ну, несправедливый наш мир, что с этим сделаешь? Всем не быть королями. Он сильнее, он тебя всё равно победит. Будь хитрее. Пойди Игорю на уступки. И тогда Тихомиров позволит тебе вернуться на работу. Я боюсь, что он сейчас и на другое место не позволит устроиться, пока ты не даешь то, что ему нужно.

– Волчий билет организует? – утёрла слёзы и горько усмехнулась.

– Думаю, да. Иначе какой смысл от этого цирка? Тебя сейчас никуда не возьмут.

Лариса достала из сумки бумажные платки, вынула один и протянула мне.

– На. Я тебе помогу, не могу я смотреть, как ты всё это на себе одна тащишь. Но только если ты пообещаешь поговорить с Игорем спокойно.

– Как поможешь? – подняла на неё заплаканное лицо.

– Я тебе буду давать заказы. Как удалённому сотруднику.

Мимо кассы. Много дать не смогу, но на кашу с маслом сыну хватит. Но долго мы так не протянем. Тебе нужно искать точки соприкосновения с Игорем. Война с ним только тебя изматывает, а ему хоть бы хны, всё равно своего добьётся. Обещаешь поговорить с ним?

– У меня нет выбора. Обещаю.

– Вот так-то лучше. Дай Бог тебе, бедная. Вот ведь не повезло встать на пути Игорька нашего.

Да, Лара права. Пытается помочь мне, но как я с ним должна беседы вести, когда он меня всё больше в капкан загоняет и вынуждает сделать так, как хочет Тихомиров? Подло. Но действительно.

Я ненавижу его так, что трясёт от одной мысли о нём. Но мне ничего не остаётся, кроме как всё же попытаться с ним договориться. Ради Богдана. Мне придётся перебороть свои эмоции, ущемлённое эго и выслушать его. Я постараюсь.

Это очень тяжело. Умом понимаю, но как только он начинает нагло требовать права на моего ребёнка, я начинаю сходить с ума от паники и ненависти. Переклинивает тут же мозг. Буду очень надеяться, что смогу сдержать себя и не дам повода топить меня ещё больше. К сожалению, от него в самом деле многое зависит.

Вся моя жизнь в его руках. Захочет – сломает, захочет – возродит...

11.

День досудебной беседы.

Поиски работы за эти дни заканчивались неизбежной тишиной. Конечно, ещё времени мало прошло, но я подала резюме уже в три места, и пока меня даже не позвали на собеседование, хотя мой опыт должен привлекать работодателей. Буду надеяться всё же на лучшее и стараться не накручивать себя раньше времени.

Напилась успокоительного. Едва появлялись мысли о Тихомирове, как охватывал неприятный озноб. Я боюсь его, даже сидя в своей квартире, а сегодня мне придётся снова с Игорем встретиться лично и смотреть в ледяные карие глаза. У него не было в роду Медуз Горгон? А то взгляд уж очень тяжёлый, только что в камень не превращает!

Пора было выезжать. Богдана уже забрала бабушка. Я оделась в подобающем мероприятию стиле: светлая блузка, юбка-карандаш тёмно-синего цвета, туфли на невысокой шпильке. Волосы убрала в длинный хвост назад. Накрасилась. Если уж ехать к нему, то во всеоружии. Не хочу, чтобы он видел, насколько я бледная и с кругами под глазами от недосыпа. Косметика всё это успешно скрыла. Только отчаяние в огромных глазах выдавало моё состояние. Ну, тут уже я ничего не поделаю с собой. Такая уж я эмоциональная, не самая сильная духом личность.

Вызвала такси, потому что с такими нервами за руль садиться опасно, да и денег на бензин у меня теперь нет. Скоро вообще на трамвае придётся кататься. Причём зайцем!

Добралась без приключений до здания суда. Меня провели в комнату для беседы, за дверью которой уже сидел за столом Игорь. Я вошла в комнату и пересеклась с ним взглядом. Мне сразу же показалось, что в комнате стало куда холоднее. Тихомиров молчал и не отрываясь смотрел на меня, пока я шла к своему стулу напротив него. Как же тяжело чувствовать на себе его внимание! Если бы не Богдан, ни минуты бы не осталась на одной территории с этим хищником, готовым мне переломить хребет.

– Добрый день, – сказал Игорь.

– Добрый, – ответила ему и еле сдержалась, чтобы не отвести глаз и не показать этим, что я нервничаю.

– Как дела, Вера?

Сузила глаза. Он ещё и издевается?

– После увольнения не очень хорошо. Вы ведь знаете об увольнении, правда?

Он молча кивнул, лишь приподняв одну бровь. Потом продолжил задавать мне вопросы:

– Ну что, Вера, получилось у тебя воевать со мной?

Я ничего не ответила. Смотрела хмуро в пол. Что тут говорить? Не получилось. Тихомиров выбил почву из-под ног. И сейчас он злил меня как никогда. Я снова с трудом боролась со своими эмоциями и заставляла себя помнить о том,

что нам всё же нужно поговорить.

– Я задал вопрос, – резанул ухо снова его ледяной голос, даже вздрогнула.

– Нет, – ответила, хотя не понимаю, какой в этом смысл.

И так ведь всё ясно. Он заберёт теперь сына. Я ничего не смогу с этим сделать. Правда всегда на стороне сильных.

– Ты ещё можешь пойти мне навстречу и подписать согласие на признание меня отцом.

Вдох-выдох. Вера, возьми себя в руки.

– Игорь Сергеевич, – обратилась к нему ровным тоном. – Вы даже не хотите сначала обсудить вопрос, прежде чем выдвигать требования?

– Давай обсудим. Я хочу права и опекунов. Хочу, чтобы Богдан жил в моём доме.

– А со мной вы считаться не намерены?

– А что тебя не устраивает? Права я у тебя не забираю. Только хочу, чтобы мой ребёнок был со мной.

– Мой ребёнок.

Игорь снова глянул на меня недобро.

– Ты опять со мной споришь, Вера? Соглашайся уже и подписывай. Или ты думаешь, у тебя есть шанс отказаться? Я устал с тобой ходить по кругу.

Он второй раз уже положил передо мной лист и ручку. Сел на место и стал сверлить взглядом.

Я готова была мирно обсудить. Но Игорь снова давит на меня, заставляет. Если я сейчас подпишу согласие, он совсем

сына отберёт, раз требует, чтобы Богдан жил в его доме. А на суде есть шанс, что правда всё же будет на моей стороне. Значит, я буду с ним бороться.

– Нет, – твёрдо ответила ему, с вызовом глядя в глаза. – Это пусть суд решает, получите ли вы права.

Тихомиров поднялся и подошёл ко мне. Протянул руку, поднял вверх мою голову и заставил смотреть в глаза. Какое-то время он просто молча смотрел мне в лицо, пока я в оцепенении сидела. У меня даже не поднималась рука, чтобы убрать от себя его пальцы – я просто боялась до него дотрагиваться. Его энергетика меня за секунды заковывала в лёд. Ничего вокруг нет, кроме карих глаз напротив и его пальцев на моей коже. На несколько секунд мужской взгляд застыл на моих разомкнутых и пересохших от страха губах. Появилась сумасшедшая мысль, будто он смотрит на них... как мужчина.

Не может быть, это уже фантомы мне мерещатся от нервов.

– Тебе мало того, что ты уже лишилась работы? Хочешь продолжения войны? Чтобы ты её и не нашла? – снова зазвучал низкий голос. – Ты вынуждаешь меня, Вера, делать нехорошие поступки.

– Игорь Сергеевич, – нашла в себе силы заговорить с ним. – Ну, подумайте сами. Как вы заберёте Богдана? Вы не понимаете, что ему там будет плохо? Это не его дом. Для него уже стресс, что откуда-то появился папа. Вам плевать на ме-

ня, это я уже поняла. Но на ребёнка тоже? Как я без работы должна кормить мальчика?

Он медленно опустил руку, но так и остался стоять и смотреть на меня, сидящую на стуле, заставляя меня нервничать.

– Нет. Не всё равно. Я предлагаю тебе решение. Ты подписываешь согласие до суда, мы получаем равные права, и дальше уже суд будет решать, кто будет воспитывать ребёнка. Разве не честно?

– Нет! – вскочила на ноги и, переборов страх, подняла гордо вверх голову. – Неужели вы не понимаете? Я его носила. Я его рожала. Не спала, когда он плакал, маленький, ночами. Я лечила, когда он болел. Я варила ему каши. А где был ТЫ, Игорь? А тебя не было в нашей жизни! Так какого чёрта я теперь должна с тобой делиться своим ребёнком?

– Такая смелая стала? – спокойно спросил он после моей маленькой истерики. – Только что тряслась, когда я к тебе прикоснулся. Разговорились?

Нервно глотнула. Умеет же выбить из колеи... Постаралась взять себя в руки.

– Послушайте, вы задеваете меня. Хотите отнять у матери ребёнка. Как бы там ни было, но это мой сын, мой маленький мальчик. Мы ведь любим друг друга. Нам будет плохо порознь. Ребёнок может даже заболеть от тоски. Ну что вы делаете? В конце концов, ведь вы же знаете, что такое потерять сына. Вы...

Игорь грубо притянул меня к себе одной рукой, большой

палец второй руки лёг прямо на мои губы, довольно больно нажав и заставив меня замолчать. Но я бы и так не смогла бы продолжить говорить, дыхание будто замерло вместе с потоком слов. Меня сразу же затрясло от его касаний. Мне не хотелось быть в его объятиях, но он держал меня железной хваткой.

– Замолчи, – глаза его были настолько убийственно-ледяными, что по спине снова рассыпались неприятные мурашки. – И не смей со мной об этом говорить. Никогда. Поняла?

Его рука сжала мою талию, я снова вздрогнула и всхлипнула. Молча кивнула головой, потому что рот так и остался зажат его пальцем. Тихомиров снова остановил взгляд на моих губах и... провёл пальцем вдоль нижней. Меня будто ошпарило кипятком, я тут же забилась в его руках, пытаюсь освободиться, завертела головой, скидывая его пальцы со своего лица. Упёрлась кулаками в каменную грудь, и мужчина отпустил меня.

Игорь обошёл меня, оставшуюся стоять на месте изумлённым столбом, взял папку со стола и молча пошёл к двери. Обернулся, снова уничтожив меня одним взглядом:

– Твой выбор. Я хотел решить по-хорошему. На суде встретимся.

12.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя и заставить тело двигаться. Я повернулась к столу, взяла свои вещи и на плохо гнущихся ногах тоже пошла на выход. По пути вспомнила, что мне еще нужно вызвать такси, и стала искать телефон, расстегнув “молнию” сумки.

Чёрт, да где же он?!

Как же всё раздражает, любая мелочь выводит из себя после психологических атак Тихомирова. Он меня так скоро совсем в истеричку превратит. Я уже не знаю, какие пить успокоительные, чтобы унять дрожь в руках после встречи с ним. Обычный человек же, ну, выше статусом, чем я, раз в тысячу, но разве это повод настолько его бояться? Какой-то прямо животный страх, паника перед ним, с самой первой встречи. Особенно вблизи и наедине.

Когда он меня ещё и к себе прижал, совсем приступ паники меня поглотил. Что это вообще? Никогда раньше такого не было от прикосновений мужчины. Совсем мне уже нервы расшатал, Люцифер какой-то в человеческом обличье.

Вызвала такси, стоя в коридоре здания суда, потом набрала Ритку.

– Алло, – приняла она звонок. – Чё там, Вер?

Она знала, что я беседовала с Игорем сейчас, и теперь ждала информации о результате нашей встречи.

- Всё плохо, Рит, – сказала ей убитым голосом в трубку.
- Ты можешь приехать сегодня ко мне?
- Во блин! Чё там у вас произошло-то, Господи?
- Приезжай, и я расскажу. И вина захвати. Побольше...
- Щас приеду. Не реви, Верка. Слезами горю не поможешь. Жди.
- Ага, давай.

Повесила трубку, зажав в ладони телефон, и снова задумалась.

Игорь, Игорь... Ведь у тебя же был сын. Ты любил его. До сих пор любишь. Как же ты тогда не понимаешь моих чувств? Тебе просто всё равно. Таким, как ты, всегда всё равно.

Ну почему ты такой жестокий? Поэтому? Что жизнь была? Так и меня не ласкала... Что теперь – на весь свет белый ополчиться? Разве я виновата в твоих бедах? Почему же плохо тебе, а топишь ты меня? Вопросы без ответов.

От горьких мыслей отвлёк звук приложения, которое оповестило о подъехавшей машине. Накинула пальто, ремень сумки на плечо и вышла навстречу морозной прохладе.

На дворе декабрь, скоро все начнут готовиться к встрече Нового года. Пока ехала в такси, заметила, что город уже начали украшать. Кое-где появились ёлки, цветные гирлянды и снеговики. Красивый праздник, тёплый, домашний. Семейный.

Только каким он будет в этот раз для меня? Суд уже че-

рез неделю. Вдруг после заседания сразу вынесут решение и отдадут сына Игорю? Такое редко, но бывает, особенно когда папа влиятельный. Как в нашем случае. Я даже думать не могу об этом, я просто не переживу. Буду тогда жить на пороге дома Тихомирова, лишь бы видеть Богдана. Разобью палатку вблизи его двора, построю шалаш, попрошусь нянькой для него – что угодно, только бы он позволил мне с ним общаться.

Игорь сказал, что не собирается у меня отнимать права и запрещать нам видеться. Но это слова. Словам Вера не верит. Особенно мужским. Наверилась уже в своё время, потому и рожала в одиночку.

Просто время поджимало. Врачи сказали, если не рожу до двадцати пяти, то потом вообще навряд ли смогу. Мой бойфренд к детям оказался не готов и оставил меня один на один с этой проблемой. Искать кого-то специально я не стала.

Доктор Давыдов знал о том, что я намеревалась рожать и воспитывать ребёнка одна, и предложил мне ЭКО, чтобы я избавилась от головной боли по имени «мужчины». И я согласилась. Вот так и появился тот единственный, которого я люблю: безумно, взаимно, и которому безоговорочно верю. Сын – вот кто никогда меня не предаст и не обидит, не бросит в трудной ситуации, как это делают они. Мужчины.

И Игорь не лучше. Вместо того, чтобы услышать меня, он давит и каждый раз выдвигает всё новые и новые требова-

ния, которые сводят меня с ума. То он требовал просто отцовство, и я сегодня даже готова была это обсудить, как он тут же повысил планку и запросил уже опекунство.

Безусловно, не факт, что суд признает его отцом, даже несмотря на тест ДНК, который они сдадут, ведь ребёнку он чужой. Но мне ли не знать, какой вес имеет Тихомиров в нашем городе. Я против него просто жалкая блоха Верка. Маленькая, беспомощная, которая может только поплакать после встречи с ним.

Не знаю, на что надеяться и каким богам молиться, чтобы не отбирали моего маленького мужчину, исключительного человечка в моей жизни, способного на искреннюю и бескорыстную любовь.

Ритка приехала быстро, с вином, как я и просила. Завтра мне никуда не надо торопиться, и хотелось хоть как-то уже ослабить боль в груди, которая скрутила жгутом всю душу.

Один бокал, второй. Но как-то и не становится лучше. Плохой, наверное, способ гасить печаль, но я сейчас хотя бы не одна – от этого было немного легче. Сегодня ещё пострадаю, а завтра пойду забирать Богдана спокойной, не нужно видеть опять ребёнку мои слёзы.

Пересказала Сазоновой диалог с Игорем, и та тоже приуныла.

– Да-а-а, Вера, против такого танком не попрёшь, а без танка – и того страшно. Теперь только на суд надежда.

– Ты веришь в правосудие в нашей стране? – горько усмехнулась я. – Наивная чукотская девочка Рита, тридцать лет уже верит в справедливость в России. Ходит легенда, что она всё же существует...

– Не ёрничай, Прибрежная. Ты как расстроена, так из тебя сарказм прёт, – одёрнула меня подруга. – И не надо сдаваться. Что я, не вижу, как у тебя лапки опустились и ушки с хвостиком опали грустно? Я всё понимаю, но бери себя в руки, Вера. Ты же Вера. Если ты сама не веришь в успех, то и Вселенная тебе помогать на станет.

– Да уж, с Игорем разве что Вселенная только справится. А живые люди – нет.

– А я тебе говорю – отставить панику, – ткнула мне в плечо пальцем Сазонова. По-моему, нас всё же разобрал алкоголь. – Мы с тобой сколько дел перечитали? Зря, что ли, весь гугл перелопатили? Ты сама видела, что в пользу матерей решается много дел, очень много.

– Но они не судились с Тихомировым, – опустила я подбородок на колени, обняв их руками.

– Да и ладно, что он – пуп земли? – пожала плечами Рита. – Давай ты сначала дождёшься решения, а потом будешь психовать? Я тоже вот сяду – и как запишухю с тобой за компанию! Но только после суда. А сейчас ты должна собраться и встретить его достойно, подняв голову вверх, поняла? Ничего ещё не проиграно. Вероятно, что за один день всё равно ничего не решится. А пока нет окончательного вердикта

– Богдан будет с тобой. В крайнем случае у тебя никто не отберёт право на обжалование решения. Апелляция в вышестоящий суд, или как там это делается? Тебя же консультировал юрист.

– Да.

– Вот. Так пей давай и выдыхай, подруга.

Мы подняли наши бокалы.

– Чтобы у тебя всё получилось, дорогая. Я вот верю, что ты, Веруня, ещё надерёшь наглый попец этого зазнайки. Всё будет хорошо.

Ритке удалось меня рассмешить своими словами.

– Спасибо, Сазонова. Просто спасибо.

13.

Утром вставала туго. Голова после вина была будто ватой набита.

Не буду больше пытаться утопить горе в вине. Ни фи́га не помогает, ещё и голова болит!

Богдана отвела в сад мама сама, а я кое-как заставила себя вылезти из кровати и пошла варить кофе, чтобы хоть как-то взбодриться. Хорошо, что сегодня у меня выходной, хоть это радует.

Потом вспомнила, что я, вообще-то, уволена, и у меня теперь каждый день выходной, и каждый день я в поисках новой работы. Сразу приуныла.

Начальница меня по-человечески предупредила о последствиях и позволила написать по собственному, чтобы не получить никакой статьи. Что бы ни говорили, а я в справедливость не верю, и уйти самой был лучший вариант не злить Ларису, не провоцировать Игоря и не получить "волчий билет". С чистой трудовой есть шанс найти что-то другое, так зачем лезть в улей голый рукой? Тихомиров совершенно однозначно показал мне этим, что он будет решать, где и как я буду работать в его сфере.

Проще выполнять заказы дома и получать деньги, достаточные для минимального набора продуктов на взрослого и ребёнка, и искать другое место, чем бегать по инстанциям,

добываясь правды. От такого её не добиться, а за ипотеку платить надо сейчас.

Страховая платит ровно два месяца с момента увольнения, потому что по собственному желанию. Это не страховой случай, компания лишь временно меня поддержит. А начиная с третьего месяца мне нужно полностью вносить платежи уже самой. Очень надеюсь, что за два месяца я найду хотя бы подработку. Могу ведь делать рекламу и через интернет. В интернете "волчий билет" мне Игорь не сделает. Сейчас век инновационных технологий, и обладая необходимыми навыками можно стать и фрилансером, получая за это не меньшие деньги. Разве что оформления и стажа не будет, конечно. Но сейчас мне нужно чем-то жертвовать, потому что на мне кредит и ребёнок.

Не люблю эти этапы поиска новой работы. Сначала шерстишь интернет в надежде увидеть более-менее удобоваримые вакансии, которые не смахивают на откровенное рабство, потом ещё отсеивается половина, потому что: нужна сотрудница молодая, до тридцати пяти; чтоб без детей (а то будут болеть); желательно бесплодная и незамужняя (а то личная жизнь отвлекает от работы); чтоб два красных диплома – а лучше три; ну и опыта работы двадцать пять лет, не меньше. Как это всё может совместить в себе молодой специалист, я не знаю.

А эти вопросы на собеседовании – просто гениальные: «Почему ушли с предыдущего места работы?»

Тихомиров пнул под зад, вот почему. А я боюсь с ним во-
евать открыто.

«Почему хотите работать у нас?»

Кушать потому что хочу и счета вовремя оплачивать.

«Расскажите немного о себе».

Задолбавшаяся мать, хочу денег. Пока всё.

Открыла ноутбук и зашла в почту. О, Лара прислала мне проект.

Жизнь сразу стала казаться куда более цветной...

Спасибо Ларисе, все же она не гадина. Хотя и попёрла меня под давлением Тихомирова, но попыталась смягчить ситуацию. В конце концов, я действительно её понимаю. Ну неужели она из-за меня пойдёт против руководителей? Она тоже зависима от Игоря. Глядишь, решим что-то с ним – и позволит мне вернуться обратно. Это место меня более чем устраивало.

Задумчиво поболтала ложкой в кофе, размешивая сахар и подперев подбородок рукой. Чувство тревоги в последнее время мой постоянный спутник, словно Луна для Земли. И поводы есть.

Послезавтра у нас с Богданом встреча с детским психологом, который начнёт готовить ребёнка к знакомству с отцом. Ведь нельзя же сразу вывалить на голову мальчика такую информацию. Мне запретили пока говорить об этом с ним, попросили довериться специалисту, что я и сделала. Вряд ли я расскажу лучше сама, тем более я не могу относиться к Ти-

хомирову спокойно и нейтрально, да и говорить о нём тоже.

Волнуюсь перед походом к психологу. Как отреагирует Богдаша?

Я не говорила сыну, что папы у него вроде как нет вовсе. Не смогла также сказать, что он умер. Сказала, что уехал далеко-далеко и не может нам звонить, приезжать. Иногда Богдан спрашивает об отце, я снова вру. Ну нет сил признаться ребёнку, что родился он иначе, чем друзья в саду или во дворе.

Игорю это может быть на руку – сын уверен, что папа в принципе существует, пусть и где-то там. Но всё равно стресс и шок неизбежен, и потому у меня душа не на месте. Но деваться некуда, это один из этапов нашей беседы пока ещё на уровне мира. Суд примет во внимание наши доводы и будет думать, как же разрешить наш спор. Как объяснил мне юрист, это пока еще не суд по факту, а просто мирная беседа с участием Игоря, психолога и судьи.

Но разве я могу не переживать? Напугал меня до чёртиков своими требованиями, мне теперь сложно принимать какие-то взвешенные решения и пойти ему навстречу. Но придётся, и Тихомирову придётся тоже, если ему не плевать на чувства того, кого он считает сыном.

– Сынок, повернись, – позвала Богдана, пытаюсь застегнуть на нём куртку.

Как и любой ребёнок, он вертелся, да ещё и болтал с дру-

гом, которого тоже одевал рядом его папа.

– Идём, – потянула его за руку, и он будто очнулся.

– Пока, Влад! – помахал он рукавичкой на прощание.

– Пока, – ответил ему приятель.

Пока шли по улице, Богдан какое-то время шагал молча, а потом потянул меня за руку:

– Мам!

– Что? – посмотрела в карие глаза сына.

Как у Игоря. Не такие холодные, но форма и цвет точь-в-точь. Только недавно это заметила. Тут и без теста ДНК очевидно, что отец Тихомиров...

– Когда наш папа приедет? Влада папа забирает, а меня только ты.

Вздохнула. Снова эти вопросы, и как назло – перед самым судом. Он иногда задаёт их, когда видит других детей с папами, или идущих втроём всей семьёй. И что отвечать?

– Не знаю, милый. Папа сам с нами свяжется, когда сможет.

– А когда сможет?

– Откуда же я могу знать? Но как только что-нибудь прояснится – ты первый узнаешь.

– Честно?

– Конечно, Богдаш. Мама ведь тебя не обманывает?

Ну, почти нет...

– Нет.

– Ну вот. Пошли скорее, будем дома йогурты есть. Твой

клубничный!

– Вау, ты купила мне йогурт?

– Два.

– Ма-а-а-а-ам, – повис на мне сын. – Я тебя люблю!

– Я тебя тоже, – обняла его в ответ. – Побежали?

– Да-а-а-а! – крикнул ребёнок и понёсся вперёд, таща меня за руку.

Только успели зайти в квартиру и раздеться, как раздался звонок в дверь. Не поняла, кого бы могло принести? Не жду никого.

Посмотрела в глазок. Какой-то парень в кепке с огромным пакетом.

– Вам кого? – спросила его через дверь.

– Пакет на имя Веры Прибрежной от Игоря Тихомирова.

Э-э-э... Что?! Даже любопытно стало, чего это он мне решил такое передать? Парень явно в форме курьерской, не думаю, что он опасен. Открыла дверь и выглянула.

– Добрый вечер. Вы Вера?

– Да.

– Тогда распишитесь здесь, – сунул он мне в руки планшет и ручку.

В графе напротив своей фамилии расписалась и отдала обратно. Парень протянул мне пакет, потом оглядел мою комплекцию и сказал:

– Позвольте?

Я отошла дальше от двери. Курьер поставил посылку Иго-

ря на пол за порогом.

– Всего доброго, – кивнул он и зашагал вниз по лестнице.

В коридор уже выскочил и Богдан, нырнул чуть ли не с головой в пакет.

– Ой, мам, тут столько всего! Смотри, – высунулся сын с палкой колбасы в одной руке и сыром в другой.

Видимо, это продукты.

– Мам, сделаешь мне бутер?

– Да, сынок, неси на кухню пока.

Ребёнок ускакал в заданном направлении, радостно размахивая колбасой, а я осмотрела пакет. Магазин «GLOBUS». Супермаркет для богачей. Неудивительно.

Посылка оказалась полна самых разных продуктов как минимум на неделю. Даже овощи и фрукты. Сверху лежала визитка Игоря. Взяла в руки тонкий картонный прямоугольник и увидела внизу надпись от руки:

«Отвечаю на вопрос, чем ты будешь кормить нашего сына – едой».

Нашего...

Хотелось порвать в клочки визитку, но это не поможет. Или сунуть ему в... Не по назначению!

Спокойно, Вера. Выдыхай.

Этот человек способен меня вывести из себя одним жестом. Например, подачкой из дорогущего супермаркета...

Лишь вздохнула и бросила эту красивую картонку на тумбочку в прихожей.

Пошла в кухню нарезать сыну обещанные бутерброды. Ребёнок уже увидел деликатесы, как я теперь у него их отберу? Богдан, конечно, колбасу ел и до этого, но увидел гору всякой вкуснятины, и ему захотелось именно это. Остальное так и осталось стоять в коридоре.

Первым порывом было выкинуть этот пакет. Сам меня «увалил», а теперь он добрый самаритянин и покормил нас... Унизительно, да.

Но с другой стороны, он делает это не для меня, а для Богдана, и действительно с продуктами стало туговато. А вина в этом Игоря. Он просто исправляет свои же ошибки. Интересно, он нас, сиротинок, долго так подкармливать собирается с барской руки?

Думала об этом чёртовом пакете несколько часов кряду и решила ему позвонить. На визитке есть личные номера. Я просто попрошу не заниматься подобным. Набрала нужные цифры и ждала, пока слышались длинные гудки. Может, не возьмёт? Что-то я уже и передумала... Как дело доходит до личного общения, так я вовсе и не такая смелая...

– Да, – прозвучал в трубке низкий голос Игоря.

Поздно. Аж дёрнуло. Ну что за голос такой у него...

– Добрый вечер. Это Вера, – сказала в трубку.

Повисла пауза. Он не ожидал, наверное.

– Здравствуй, Вера. Чем обязан?

– По поводу пакета вашего.

– Захотела сказать «спасибо» лично? – слышалась на-

смешка в его как всегда прохладном тоне.

– Нет. Хотелось бы попросить вас благотворительностью для сирых и убогих больше не заниматься.

Тихомиров снова немного помолчал, потом спросил:

– А ты что, уже нашла работу?

– Нет...

– Тогда в чем вопрос? Ты меня обвиняла, что из-за меня тебе нечем кормить сына. Смею напомнить, что он имой сын тоже. Поэтому если Богдана не можешь обеспечить едой ты, то это сделаю я.

– Не нужно.

– Я не спрашиваю твоего разрешения. Можешь не есть сама, если не хочешь. Богдан должен быть сытым.

– Если бы ты не лишил меня работы, я бы сама купила всё что нужно, – прошипела в трубку.

– В «GLOBUS»?

– Нет, простые смертные там не закупаются. Наш супер-маркет у дома ничуть не хуже.

– Серьёзно?

Опять издёвки.

– Серьёзно. Я же маркетолог. Твой «Глобус» – просто раскрученный магазин для тех, кому некуда девать деньги.

– Весьма содержательная беседа, Вера. Бери пакет, он для Богдана. Пока.

Повесил трубку. Вот гад, даже ответить не дал...

В раздражении кинула мобильный в подушки. Ничего

слушать не стал, как всегда всё решил за нас сам.

Стоит признать, Игорь выглядел бы гораздо хуже, если бы ему было на самом деле плевать, чем теперь питается как бы его сын. Хоть забеспокоился. Не такая уж он, видимо, сволочь.

Но его поступок с двойным дном. Помог, а перед этим сам же и унизил. Я даже не знаю сама до конца, как именно относиться к этой внезапной продуктовой поставке имени Игоря Тихомирова?

14.

Игорь.

– Игорь Сергеевич, дело слишком громкое, чтобы мы могли решить его как-то иначе, – говорил юрист, сидя напротив меня в кабинете за столом. – Оно уже находится на контроле где только можно и нельзя, вы же понимаете. Не всё в моих силах.

– Я тебе разве мало заплатил? Ещё денег хочешь?

Он заёрзал в кресле, сменил позу и снова заговорил под мой острый взглядом:

– Дело не в деньгах, поймите. Если бы речь шла об обычном ЭКО, мы бы выиграли дело. Но здесь речь о клоне. Дело предали широкой огласке, чтобы вы теперь могли на это повлиять. Ни вы, ни я, ни какой-либо другой юрист общественности рот не заткнёт. Информация уже просочилась в СМИ. Ваша репутация будет испорчена, если вы продолжите давить на Прибрежную. Психолог будет проводить тесты, и если Вера расскажет ему о том, что вы... пытаетесь подтолкнуть её к нужному вам решению, он может не позволить вам контактировать с ребёнком.

Задумался. Этого мне не надо. Я и жду этого психолога, потому как просто так подойти к мальчику я права не имею, да и травму так легко нанести. Для него я просто чужой дядя, с которым ему придётся знакомиться и привыкать к тому,

что теперь у него есть папа. Невозможно взять и упасть ему как снег на голову. Нам обоим нужно будет время. Я тоже переживаю, что ребёнок меня не примет, и потому прислушался к совету психолога.

Если Вера настроит психолога или вообще самого Богдана против меня, это будет очень плохо. Юрист прав, дело уже получило слишком большую огласку, и теперь получить права на ребёнка я могу только честным путём – через суд.

Вот чёрт! Ещё перед этой Верой я не пресмыкался. Прав ее лишать я и не планировал, и не собираюсь принижать её заслуги как матери, но и пятки Прибрежной целовать уж точно не стану. И что делать?

Достал сигару и зажигалку. Подарок. Не знаю даже, из чего она сделана, на золото похоже, белое. А может, и нет, но вряд ли бы мне подарили дешёвую побрякушку.

– Что ты предлагаешь, Иван Анатольевич? – спросил его, выпустив дым в потолок.

– Вам нужно показать своё хорошее отношение к ребёнку. Вам ведь он на самом деле дорог, я правильно понял?

– Не твоё дело, – зыркнул на него. – Покажу, и дальше что?

Личным я не делюсь ни с кем. Никогда.

– Нужно войти в доверие и к матери. Хотя бы нейтральное отношение к женщине проявите. Она увидит, как вы относитесь к её сыну, поймёт, что вы готовы к мирному диалогу, и перестанет так рефлексировать. Её необязательно как-то

воспринимать особенно, но она мама Богдана, и никуда от этого не деться. Надо договариваться обычным путём – языком. И искренним отношением к мальчику. Больше никак.

– Ясно. Ты свободен.

Иван Анатольевич прекрасно понимал, что его доводы меня не порадовали, и поспешил убраться от греха подальше. Я остался один. За окном уже давно темно, я чуть ли не единственный в огромном офисе. В этом огромном мире.

Я так давно один, что уже и перестал испытывать какой-либо дискомфорт по этому поводу. Наоборот, мысль о том, что мне придётся ломать себя и налаживать контакт с Верой, меня злит. Как я это буду делать? Сначала давил на неё, а теперь что – с цветами приду и попрошу прощения?

Ещё одна затяжка. Дым в потолок. Задумчиво смотрел на уголёк, тлеющий на кончике сигары. Стряхнул пепел. Свободная рука потянулась за папкой, которую я стал часто пересматривать.

Раскрыл. Перед глазами появилась фотография мальчика. Как же он похож на него... Понимаю, что это не он, а всё равно в сердце так ёкает, аж до боли. Пересматриваю эту фотографию с телефона Веры, будто от этого сын станет ко мне ближе. Пусть другой, но он ведь мой.

Я привык всё решать кардинально. Деньгами, властью, силой. Но к ребёнку это неприменимо, я осознаю. Во мне борется мой характер и желание получить нужное мне любой ценой с пониманием, что есть ещё чувства ребёнка. Он лю-

бит Веру. Она нужна Богдану.

Вера... Отодвинул фото ребёнка, под ним была карточка с изображением его матери.

Смотрел на сына вечерами, иногда почему-то и на Веру. Есть в ней что-то такое, на что хочется смотреть. Открытые голубые глаза, правильные черты лица, очень привлекательные, мягкие губы, которые я, не удержавшись, захотел ощутить на своей коже. И сейчас бы тоже повторил. Она вызывает странные эмоции, двойственные. Вообще давно никто во мне таких эмоций не вызывал, как этот малыш и его мама. Вроде бы и плевать на неё с высокой колокольни – и тут же как будто бы и нет.

Нас связывает Богдан, и, как юрист верно заметил, никуда от этого не уйти. Она родила мне здорового мальчика, она заботилась о нем. Он сыт, одет, не шляется бесцельно по двору. Вера – хорошая мама, как бы меня ни задевали за струны души наши личные с ней отношения, которые как-то не сложились с первой встречи.

Из-за меня. Я могу её понять. Она – мать, борется за своё. Даже уважение вызвала своим поведением. Вижу, как она трясётся при разговоре со мной, боится, но всё равно стоит на своём. Неожиданный характер в такой наивной оболочке молодой слабой девушки. Думал, надавлю на неё, и Вера сразу всё подпишет. А нет, всё вышло не так. Что-то с ней не получается по-привычному.

Я не могу быть другим. Такой, какой есть. Но ради Бог-

дана я постараюсь не выливать на голову Прибрежной свой нрав. Только ради него. Очень хочу, чтобы он в самом деле стал частью моей жизни. Ради этого на многое пойду.

Потушил с нажимом сигару, выпустив остатки сизого дыма из лёгких. Закрыл папку и убрал на край стола обратно. Взял ключи от машины. Пора домой – в одинокий холостяцкий дом. Слишком большой для меня одного, слишком роскошный для простого человека. Очень надеюсь, что скоро коттедж огласится детским смехом, и в нём будет носиться Богдан, как когда-то и Тёмка.

15.

Несколько суток до встречи с судьёй.

Вера.

– Богдан, надевай штаны, нам скоро выходить, – крикнула сыну в комнату, подводя карандашом глаза у зеркала.

Сегодня мы едем к психологу. Болезненных вопросов и для меня, и для сына не избежать. Если волнуюсь, много внимания уделяю внешности. Когда знаю, что выгляжу хорошо, то уверенности в себе прибавляется.

Брючный костюм синего цвета сидел хорошо, распущенные волосы вытянуты утюжком, на лице лёгкий макияж. Покрутилась ещё – нормально. Вера молодец. Вера красивая.

Так-то лучше.

Психолог проведёт тесты и проверит, готов ли сын к знакомству с Игорем.

Встревать в это я не буду. Какое право я имею отбирать у Богдана папу, если уж они стремятся друг к другу? Мне ли не знать, как ребёнок мечтает об отце? Ему не хватает мужского внимания. В конце концов, именно он должен научить мальчика быть мужчиной. Со мной у Тихомирова могут быть какие угодно отношения, но мне придётся искать компромисс и проявлять гибкость, чтобы не лишать Богдана отца, которого он иметь хочет.

Мне будет безумно сложно это делать, ведь Игорь продол-

жает требовать опеки над ребёнком, а со мной неизвестно как потом поступит. Даже не знаю, каким образом мы сможем договориться до чего-нибудь! Совершенно не представляю, какие слова его бы наконец проняли! Глыба ледяная. Камень бесчувственный. Мужлан...

Глянула на часы – пора ехать. Ещё раз кинула взгляд в зеркало и позвала:

– Сын, поехали.

Богдан выскочил в коридор и принялся обувать свои ботинки. Шнурки завязывать он пока так и не научился, и мне пришлось ему помогать. Потом помогла ему одеться, накинула на себя пальто.

– Ко мне повернись, – сказала ему и натянула на голову шапку с пушистым помпоном. – Всё, на выход.

По дороге в машине он спросил:

– Мам, а в садик я сегодня не пойду?

– Пойдёшь, – ответила ему, заглядывая в зеркала на повороте. – После встречи с доктором.

– У меня что-то болит?

– Нет. Мы с тобой об этом уже говорили. Доктор посмотрит на твоё поведение, поймёт, что ты хороший и умный мальчик, напишет в карточке, и мы поедем в сад.

– Я просто не понимаю, зачем нам этот доктор, мама? – нахмурил бровки сын.

– Всех детей он смотрит в твоём возрасте. Не нужно переживать.

Нас проводили в комнату, где за столом уже ожидала женщина. Худая блондинка с яркими голубыми глазами и каким-то располагающим к себе взглядом.

– Добрый день! – встала она и кивнула нам. – Проходите.

Я и Богдан присели на стулья напротив неё. Она тоже села и улыбнулась обезоруживающей улыбкой:

– Меня зовут Виктория. Я психолог. Вы у меня в гостях. Тебя зовут Богдан, верно? – повернулась она к сыну.

Он молча кивнул. Контакт постороннему сразу не настроить с ним.

– Богдан, видишь, в углу стоит стол?

Мальчик проследил за её рукой, которая указал на тот самый угол.

– Да.

– Там есть альбом и фломастеры. Иди, порисуй. Знаешь, что нарисовать?

– Машину?

– Нарисуй машину. Иди, не стесняйся. Всё, что на столе – можно брать.

Сын на миг замялся и глянул на меня.

– Иди, Богдан. Раз сказали «можно» – значит, можно.

Он послушался и пошёл к столу, сел и притянул к себе фломастеры. Пока ребёнок увлёкся рисованием, Виктория повернулась ко мне:

– Итак, Вера, сегодня я пообщаюсь с Богданом на предмет

того, как он воспринимает роль папы в своей жизни, и пойму, как лучше подготовить его к знакомству с ним. Скажите, мальчик что знает о своём отце?

Я сцепила руки в замок и, глядя на свои пальцы, ответила:

– Что папа есть, но он уехал. На Север. И не может нам писать, звонить и приезжать.

– То есть Богдан уверен в том, что его отец жив и в принципе где-то существует?

– Ну да.

– Понятно. Что ж, если бы вы ему сказали, что он мёртв, всё было бы сложнее. Мальчик говорит о папе? Спрашивает что-то?

– Да. Когда приедет папа, спрашивает.

– В какой момент? Просто так вспоминает? В его возрасте слишком долго думать об одном и том же ребёнок пока не может.

– Когда видит других детей с папой, или вместе с мамой и папой.

Виктория постучала карандашом по столу, задумавшись:

– Значит, по идее, Богдан ждёт его домой. Ему хотелось бы иметь полную семью, как у его друзей.

– Похоже, что так.

Психолог устремила внимательный взгляд на меня:

– А вы сами как относитесь к появлению отца Богдана? Ваше дело я читала. Вы не были знакомы с Игорем Сергеевичем, пока он не появился с требованием прав на ребёнка?

Жаловаться или настучать на Игоря язык не повернулся. Вздыхнула и аккуратно высказалась:

– Наши отношения сложились не совсем гладко, но я понимаю, что Богдану общение с отцом нужно.

Женщина внимательно вглядывалась в моё лицо и ловила каждую реакцию на свой вопрос.

– Он на вас оказывает психологическое давление?

– Мы пока просто не можем найти контакт.

Сама не знаю, почему вдруг решила промолчать. Ненавижу, когда меня жалеют. И так все кругом считают меня слабачкой. Я должна быть сильной ради сына.

– Если я приму решение, что ребёнку стоит познакомиться с отцом, вы не будете против?

– Мне это трудно. Но ради Богдана я не буду им мешать. Только если он не будет у меня отнимать права на сына.

– Таких требований нет у Игоря Сергеевича.

– Нет? – даже удивилась.

– Он просит равные с вами права. И хочет, чтобы ребёнок жил с ним.

– Без меня? – во рту опять пересохло от страха.

Виктория неожиданно взяла меня за руку.

– Успокойтесь, Вера. Никто не позволит ему вас разлучить. Я вижу, какая между вами и мальчиком крепкая связь матери и ребёнка. Вас ни в коем случае нельзя заставлять жить раздельно. И я скажу об этом судье обязательно.

Скажу честно, на душе отлегло. Похоже, эта женщина ви-

дит мои страхи насквозь. Появилась надежда, что не всё в этом мире куплено. В голове билась фраза о том, что Игорь не просит лишать меня прав. Даже если он каким-то образом сможет добиться того, чтобы Богдан жил с ним, он не сможет избавиться при этом от меня насовсем. Наверное, понимает, что это просто нереально – психолог не позволит.

– Как же тогда? – растерянно спросила я её.

Она пожала плечами.

– Пока не знаю. Ситуация кажется тупиковой. Игорь Сергеевич очень упрям. С ним трудно работать. Судья решит за вас, если вы не договоритесь между собой.

Я лишь вздохнула. Как с ним договориться, когда Тихомиров хочет увезти моего ребёнка в свой дом, который пусть даже в тысячу раз лучше, чем наша маленькая квартира, я не знаю!

– Вашу позицию я поняла.

Виктория поднялась и отправилась к столу, за которым сидел Богдан.

– Ну, показывай, что ты нарисовал?

Сын пододвинул рисунок блондинке, и она взяла в руки альбом. Улыбнулась.

– Очень неплохо, малыш. Ты где-то видел такую машину?

– Да, во дворе стоит такая.

– Она тебе нравится?

– Очень.

– Кто же за рулем? Ведь это не мама.

– Это папа. Он приехал.

Я и психолог переглянулись.

– Видите, вы сами внушили ребёнку, что папа есть и скоро приедет. Он его ждёт.

Потом она снова переключилась на мальчика:

– Смотри, что у меня есть! – Виктория поставила перед Богданом небольшой ларец с игрушками.

Сын снова сначала вопросительно посмотрел на меня, и когда я ему одобрительно кивнула, заглянул с любопытством внутрь. Стал перебирать игрушки. В основном мягкие, разные зайчики, мишки.

– Кто похож на тебя? Найди такую игрушку.

Богдан выбрал небольшого зеленого динозаврика, похожего на Раптора из известной рекламы.

– А почему динозаврик?

– Он маленький и весёлый.

– Хорошо. Сажай его в центр стола, сюда, – показала рукой психолог.

Ребёнок сделал, как она попросила.

– Теперь найди маму в ларце. Кто похож на твою маму?

Богдан, закусив губу, принялся рыться в игрушках и вытащил на поверхность кошку с усиками и милым хвостиком.

Вопросительно посмотрел на Викторию.

Она ему улыбнулась:

– Почему же кошка?

– Красивая. И ласковая.

Не смогла сдержать улыбки. Как приятно слышать такие слова от сына.

– Понятно. Сажай маму-кошку тоже на стол.

Он посадил игрушку, олицетворяющую меня, рядом с динозавриком.

– Все верно, мама – эмоционально значимая фигура. Вы – одно целое, – тихо сказала она мне. – Так я и думала.

– Теперь, Богдан, выбери третью игрушку – это будет папа.

– Папа? – поднял карие глаза Игоря на нас мальчик.

– Да. Ведь ты ждёшь его домой, я верно понимаю?

– Жду... – опустив глаза, ответил Богдан. – Только он все никак не приезжает к нам с мамой.

– Найди игрушку, которая больше всех похожа на твоего папу.

Сын выбрал медведя.

– Вот, – помахал он им.

– Ты знаешь, как называется этот зверь?

– Мишка.

– Почему именно мишка?

– Потому что большой и сильный.

– Понятно. Посади теперь мишку на стол.

Сын посадил игрушку рядом с остальными, но чуть дальше от кошки с динозавром.

– Почему ты не посадил папу вместе с тобой и мамой?

– Он далеко.

– Ты бы хотел, чтобы папа приехал?

– Да.

– И ты бы не испугался?

– Не знаю... – задумался мальчик. Потом снова поднял глаза на неё. – Нет.

– Ты бы хотел с ним увидеться, поговорить?

– Да. Но ведь его нет здесь... Мама сказала, что он там, где белые медведи.

Виктория снова кинула на меня внимательный взгляд. А что? Надо же было что-то сказать...

– Всё ясно. Спасибо тебе, Богдан, что поиграл со мной и приехал в гости!

Мальчик робко улыбнулся в ответ, озираясь на меня.

– Пришла пора прощаться. Домой поедете?

– Нет, в садик.

– Отлично. Тогда хорошего вам дня!

Я взяла за руку Богдана и потянула из-за стола. Он встал на ноги.

– «До свидания» Виктории говори, Богдаш. С тобой попрощались.

– До свидания! – послушно откликнулся ребёнок.

– До свидания. Вера, я позвоню вам чуть позже.

– Хорошо.

Поняла, что при сыне Виктория не может всего сказать мне.

– Всего доброго.

– Удачи, – улыбнулась она. – Всё будет хорошо.

После разговора с психологом ледяной ком в душе стал постепенно таять. Виктория подарила мне надежду, что вступится за маму и сына на суде. Игорь должен понимать, что ребёнок – не котёнок и не игрушка, а живой человек со своими чувствами и желаниями, и самое главное сейчас для него – быть рядом с матерью.

Отвезла Богдана в сад, вернулась домой и сварила кофе. Пока пила крепкий напиток, позвонила Ритке. Сазонова вся на иголках ждала результата моего похода к психологу.

– В общем, эта Виктория обещала на встрече с судьёй стоять на том, что разлучать меня и Богдана нельзя.

– Ну супер, – откликнулась подруга. – Молодец она. Профессионал. А может, просто хороший человек. Как женщина женщину тебя понимает. Так что хрен ему моржовый, а не Богдан!

– Рита, – одёрнула я её, а самой смешно стало.

Может она выразиться порой, что ушки в трубочку!

– Ну а чё? Бесит просто. Царь горы медной, всё хочет, чтобы было по его хотению. А фигушки!

– Прекращай давай, – смеялась ей в трубку. – Ещё не факт, что на этом война окончена.

– А вот интересно, Игоря кто-нибудь уже так умывал, как этот психолог на суде его охланёт?

– Не уверена. Похоже, с его отрядом адвокатов дьявола, он никогда не проигрывает. Но здесь дело слишком громкое

уже. Думаю, что Тихомиров это понимает. Ой, Рит, вторая линия. Психолог, наверное. Потом перезвоню.

Нажала на кнопку вызова:

– Да.

– Вера, ещё раз добрый день. Это Виктория.

– Поняла, слушаю вас.

– Не стала при мальчике говорить свои заключения. Богдану нужен отец, скорее мы на нанесём ему травму, лишив папы, чем разрешив тому появиться в жизни ребёнка. Считаю, что вы не можете препятствовать их общению. Я намерена допустить к знакомству Игоря с Богданом. Теперь вы сами должны сообщить, что папа приехал. Подготовьте сына. От вас он лучше воспримет информацию. Перед встречей с судьёй мальчик познакомится с отцом, я посмотрю на их общение и если не замечу никакого негатива в сторону ребёнка, то причин не разрешить им общаться я не выявлю. Судье я об этом скажу. Так же я по-прежнему буду настаивать на том, что вас разлучать нельзя. Пусть Игорь Сергеевич решает вопрос с проживанием Богдана на его территории как хочет, но вы – один комплект, и, забирая мальчика в свой дом, ему придётся забрать и вас.

– Спасибо, я поняла.

Вот ещё не хватало! Я не собираюсь с ним жить в одном доме. Я даже вида его не выношу. Если психолог готов встать на нашу сторону, значит, я буду давить на то, что мы хотим жить дома, а не в особняке чужого нам пока ещё мужчины.

– И ещё. Я настаиваю на повторной встрече с Игорем Сергеевичем. Вы должны будете отчитаться мне, что встречались для еще одной попытки уладить всё мирно. Теперь вы знаете, что никто вас прав не лишит и ребёнка не отнимет. Папа получит разрешение общаться с сыном. Поговорите с ним, может быть, он изменит в данном контексте свои требования, и суд станет неактуальным, мы просто ещё раз все вместе обсудим ваши права и обязанности, если вы придёте к соглашению между собой. Позвоните ему сами, проявите инициативу, сделайте шаг навстречу. Это может его смягчить.

Только я представила, как буду звонить Игорю и звать его на встречу, останусь с ним наедине, как сразу же почувствовала лёгкий озноб. Ну почему этот человек меня так пугает?

– Хорошо, я попробую.

– До встречи с судьёй скажите мне, пожалуйста, увенчалась ли успехом ещё одна мирная беседа с Тихомировым.

– Да, поняла вас.

– Тогда всего доброго. Жду от вас информации.

Виктория повесила трубку, а я так и осталась в растерянности стоять посреди кухни. Позвонить Тихомирову? Пригласить его на встречу? Попросить изменить решение? Никогда в жизни не пошла бы на такие унижения и вообще не стала бы продолжать знакомство, если бы не Богдан.

Походила по квартире минут двадцать, слоняясь из угла в угол, и решила позвонить. Что тянуть, если всё равно

придётся? Перед смертью не надышишься.

Взяла с тумбочки визитку Игоря, набрала нужные цифры. Перед тем, как нажать на кнопку «вызов», немного замешкалась. Чего я боюсь? Не съест же он меня по телефону. Просто один лишь его голос вызывает дрожь, не то что личная встреча. Я должна быть смелой и сильной ради сына. Нажала на кнопку и стала ждать.

– Слушаю, – услышала низкий голос Тихомирова, который я узнаю из тысячи.

Мурашки по спине... В очередной раз поёжилась невольно.

– Добрый день. Игорь Сергеевич, это Вера. Я по поводу Богдана.

– Добрый. Что-то случилось с мальчиком?

– Э-э... Нет, с ним всё в порядке. Но мне нужно с вами поговорить о нём. Это важно.

– Сегодня?

– Если у вас есть время, мы могли бы встретиться и сегодня. Это настояние психолога, до беседы с судьёй нужно поговорить нам с вами.

– Я понял. Помнишь, где находится ресторан, где мы встречались в первый раз?

О да. Запомнила навсегда. Не встретились, а куда ты меня, Игорь, приволок за шкуру!

– Да.

– В два часа я буду там. Приезжай. Скажешь на входе, что

ко мне. Некогда больше говорить.

Игорь повесил трубку. Как всегда – не спросил, могу ли я именно в это время, просто... приказал, всунув меня в свой обычный распорядок дня.

Глянула на часы – уже час дня. Нужно собираться. Как бы успеть за это время успокоить нервы?

16.

Почти два часа. Припарковалась напротив ресторана. Ещё раз заглянула в зеркало. Утренние труды пока не сошли с лица, дома я ещё поправила немного макияж и причёску. Не хочу, чтобы он видел мою неуверенность в себе, которая неизбежно приходит при виде Игоря. Хотя бы попытаюсь. Может, в этот раз он уже так не будет на меня влиять? Тем более, что беседа у нас мирная, а я теперь знаю, что Богдана никто не позволит отнять. Это Тихомирову придётся идти на уступки, чтобы общаться с ребёнком.

Голову вверх, волосы назад – и пошла гордой походкой на тонких шпильках. Поднялась по лестнице и вошла в холл, где меня встретил вежливый администратор:

- Добрый день. Вас ожидают или вам предложить столик?
- Меня ждёт Игорь Тихомиров.

Он оглядел меня более внимательно, потом вежливо улыбнулся и заглянул в список на планшете.

- Будьте добры, ваша фамилия?
- Прибрежная Вера.

Хостес нашёл моё имя и показал рукой:

- Пожалуйста, проходите. Вы знаете, куда именно идти?
- Да, спасибо, – кивнула ему и направилась в ту самую вип-кабину, куда в прошлый раз меня вели парни в чёрном под руки.

Дошла до нужной комнаты, постучала.

– Входи, – раздался холодный голос Игоря.

Один его голос раскатывается льдом по коже. А мне ещё надо как-то пересилить себя, зайти внутрь, выносить его колючий взгляд и говорить.

Вздохнула, потянула дверь на себя, переступила порог. Автоматический доводчик плавно отрезал меня от коридора. Мой взгляд, как и в прошлый раз, схлестнулся с ледяным взором карих глаз Тихомирова.

– Проходи, Вера, – произнёс он.

Игорь, в отличие от меня, идущей словно по углям, казался совершенно расслабленным. У него сейчас немного времени для обеда и отдыха, и он умел им пользоваться. Но в этот раз я уже не так дрожала перед ним. Возможно, защита психолога дала мне возможность чувствовать себя более уверенно на его территории. Тихомиров не зря позвал меня именно сюда – здесь его место, здесь он ощущает себя как дома.

Я прошла по комнате и села в кресло рядом с ним. Нас снова разделял лишь один стол.

– Я уже пообедал, – обратился он ко мне, откладывая в сторону меню. – Можем заказать чай или кофе. Или ты снова откажешься?

– Можно чай.

Он молча поднял трубку телефона и установил связь с официантами:

– Чай ещё, пожалуйста. Чёрный, с шоколадом.

Он не спросил меня, какой я люблю чай. Просто сделал выбор, видимо, на свой вкус. Впрочем, я нормально воспринимаю такой сорт и вкус, пусть будет.

Официанты для гостей категории «вип» довольно шустрые. Не прошло и нескольких минут давящего молчания, как принесли заказ. Молодой парень в форме поставил перед нами белоснежные чашки, небольшой чайник и завёрнутые в тряпичные салфетки ложки. Сахарница уже стояла на столе изначально. Официант обратился к Тихомирову:

– Что-нибудь еще, Игорь Сергеевич?

– Нет.

– Тогда, может быть, вашей прекрасной спутнице что-то требуется?

– Нет, – твёрдо повторил Игорь, даже не дав мне открыть рта. – Свободен.

Мы снова остались одни. Я налила себе чай и поставила чайник на место. Сахар класть не стала. Уткнулась в свою чашку, пытаясь подобрать слова. Игорь тоже налил себе ароматного напитка, но сахар бросил – два кубика. Тихомиров сладкоежка, кто бы мог подумать. Он не нарушал наш молчаливый диалог какое-то время, будто я ему тут вовсе и не мешала. Отпив несколько глотков чая, он всё же остановил взгляд пронизывающих глаз на мне:

– Итак? О чём ты хотела поговорить, Вера?

Отставила в сторону чашку.

– Мы были с Богданом у психолога. Она считает, что вы можете познакомиться с сыном.

Он некоторое время опять сканировал меня своими глазами цвета виски.

– Я рад. Мне бы этого хотелось.

Немного помялась. Я не была уверена, какие вопросы имею право задавать, так чтобы не вызвать очередную вспышку гнева мужчины.

– Можно личный вопрос? Раз уж мы... в одной упряжке.

– Можно, – ответил он, продолжая смотреть так, что мне стало почему-то неуютно.

– Игорь Сергеевич, вы в самом деле так хотите стать Богдану... отцом? Ведь это же не игрушки. А если мальчик... примет вас? Я сегодня или завтра должна объяснить ему, что у него есть папа. Скажите мне, что я буду делать это не зря. Если вы потом... передумаете или вдруг исчезнете после знакомства с ним, Богдана будет страдать. Обещайте, что вы не хотите ему зла.

Заглянула в глаза ему. Ведь он не зверь же? Он должен понять, как я переживаю за своего ребёнка. И не понимаю, хоть убей, его истинных намерений.

– В самом деле. Ты ведь сама знаешь мою историю, – он впервые отвёл глаза.

Мне показалось, что я впервые вижу не сильного Игоря, а просто мужчину – со своей болью, со своей судьбой. Но это был лишь миг. Потом он взял себя в руки и снова вернул мне

свой равнодушный, ничего не выражающий взгляд.

– Я не планирую исчезать из жизни Богдана. Я прекрасно понимаю, на что иду.

– Хорошо, – кивнула я. – Я много думала и пришла к выводу, что не имею права вас и Богдана лишать общения. Вы оба этого хотите. Я готова разделить права... с вами.

Он внимательно уставился на меня, снова выбив уверенность из меня всего лишь одним взглядом.

– Очень рад, что мы всё же друг друга услышали.

Я немного помолчала и задала вопрос, который волновал меня больше всего:

– Может быть, тогда вы... отмените своё требование о том, чтобы Богдан жил с вами? Я не стану препятствовать вашему общению. Если ребенок примет вас – вы даже сможете его забирать.

– Нет.

Одно твёрдое слово. Однозначное. Всё внутри меня рухнуло вниз. Я опустила голову вниз и тяжело задышала. Меня били злоба и паника. Сколько можно?! Сколько ещё этот ад будет продолжаться? Несмотря на мои шаги, на то, что я готова принять его права на отцовство, он продолжает упорно гнуть своё...

– Почему? – спросила с претензией.

Не сдержалась. Задрала вверх подбородок, смотря на него свысока.

– Потому что я дам ребёнку условия для жизни гораздо

лучше, чем ты. У меня дом большой. А у тебя ипотечная двушка, и, между прочим, даже нет работы. Есть там продукты ещё? А то скажи, я куплю ещё.

Скотина. Больше слов не было. Он серьёзно так способен обращаться с людьми?

– А кто меня лишил работы, вы забыли? – сузив глаза, бросила ему.

– Помню, – ответил он как ни в чём не бывало. – Но кто виноват? Нужно было быть сговорчивее раньше. А теперь права на Богдана я получу и через тест ДНК. Я тебе это предлагал давно, надо было тогда соглашаться. Теперь уже неактуально, Вера.

Он откинулся на спинку кресла. Игорь всё равно считал себя победителем.

– Психолог сказал мне сегодня о том, что не позволит разлучить меня и Богдана.

– Ты хочешь, чтобы я и тебя позвал жить с нами?

– Нет, – резко ответила ему. – Мы с сыном хотим жить у себя дома.

Внезапно Игорь наклонился ближе и заглянул в мои глаза:

– Вера. Я всё равно сделаю так, что Богдан будет жить со мной. А где будешь ты – сама решай. Я тебя не гоню. Но имей в виду, что если переступишь порог моего дома, тебе придётся жить по моим правилам.

Нервно сглотнула. Вот и решили всё мирным путём... Ладно, я пыталась. Больше мне нечего здесь делать. С этим

упрямцем невозможно договориться.

– Психолог рекомендовала для блага Богдана подружиться нам с вами, но, видимо, не получается, – встала на ноги. – Спасибо за чай. Я, кстати, зелёный больше люблю. Мне пора.

– Я тебя не отпускал ещё, – раздался властный голос, и я будто в стенку врезалась и остановилась.

Да почему он так действует на меня? Бедные его подчинённые, он будто гипнотизёр. Не хочешь делать то, что он говорит, а всё равно делаешь, едва он прикажет.

Игорь тоже встал и подошёл ко мне, встал очень близко, но не касаясь, и посмотрел в глаза.

– Подружиться? – переспросил он. – Ты красивая, Вера. Очень. Я не против с тобой... подружиться.

От его тона и двусмысленных слов снова начался озноб, мне опять стало слишком холодно, хотя от тела мужчины исходил хорошо ощутимый жар. Стоял ко мне настолько близко, что я почти утыкалась носом в его галстук и чувствовала приятный аромат мужского парфюма. Появилась в голове сумасшедшая мысль бежать без оглядки. Я попыталась отступить и сделала шаг назад.

– Ай! – почувствовала, как тело повело – я врезалась в стол позади себя, который был ниже обычных обеденных столов и угодил мне почти под колени, отчего я начала терять равновесие и уже приготовилась грациозно растянуться на этом чёртовом столе прямо перед Игорем!

– Осторожно, – Тихомиров успел меня поймать за талию

и не дал позорно завалиться.

Его горячее тело стало ещё ближе, тепло кожи стало ещё более ощутимым, даже через одежду. Я уже никуда не падала, но Игорь почему-то не собирался меня отпускать. Когда я зашевелилась в попытке отойти от него, мужские пальцы лишь сильнее сжали мою талию в ответ.

– Да, очень красивая Вера, – он вдруг провёл пальцем по шее и вдоль ключицы, втягивая носом запах моих волос. – Нам абсолютно точно стоит подружиться.

Он резко отпустил меня и отошёл на два шага, оглядывая с ног до головы. Мужчина засунул руки в карманы брюк и сказал вновь деловым и равнодушным тоном:

– Но делать мы это будем в моём доме. Раз со мной будет жить Богдан, будешь и ты. И так, как я тебе скажу.

Меня же трясло, я старалась не показывать своих эмоций, но при этом совершенно не знала, как реагировать на всё это и что отвечать. Немного собралась с духом, прочистила севшее горло и сказала:

– Тогда пусть решает судья. Я буду стоять на том, что ребёнку комфортнее дома.

– На здоровье. Только будет так, как я сказал. Вот теперь можешь идти. Ты меня утомила, красавица Вера.

Второй раз уже я летела торпедой из этого ресторана. Страх отошёл – почти, – и я стала соображать трезво.

Что это он мне такое предлагал? Даже не предлагал – ста-

вил перед фактом. Что он имел в виду? Что я должна ему заплатить за проживание в его доме? За возможность быть рядом с сыном? Я не поняла до конца, он говорил слишком двояко. И даже не скажешь никому, что Игорь намекал мне на... секс? Он не сказал прямо. Сказал «подружиться». Дотронулся до меня? – поймал, когда я падала. Вдыхал аромат волос? – так просто я в сравнении с ним ростом не вышла, что ж поделать, если его нос как раз возле моей макушки. Провёл пальцем по шее – это не тянет на домогательства.

Я не понимаю, как сама реагирую на него. Моё восхищение его внешностью и им самим, как мужчиной, никуда не делось и сейчас, но между нами слишком много «но». Во время первых наших встреч я его даже как мужчину не могла воспринимать. Но по-моему, у Игоря другое мнение на этот счёт. Он хочет, чтобы я в нём увидела мужчину для... Не знаю, для чего.

Рулила домой на автомате, никак мысли об Игоре выкинуть из головы не могла, а надо бы. Так и в аварию угодить нетрудно. Еле заставила себя сосредоточиться на дороге и ехала. Забирать Богдана с сада ещё рано. Пойду пока нервы успокою, чтобы снова не волновать ребёнка своим состоянием души под названием «шторм».

Дома сварила ещё кофе, для меня это лучшее успокоительное. Над дымящейся чашкой опять задумалась.

Тихомиров был для меня звездой. Красивой картинкой. Я и подумать не могла, что однажды этот «принц» и меч-

та женщин сойдёт с обложки журнала и будет общаться со мной. Не могла и представить себе, что родила его ребёнка, с карими глазами как у папы. Что мы будем пытаться найти компромисс в том, кто и как будет воспитывать нашего случайно общего сына, и что Игорь... будет говорить мне, что я красивая...

Где-то в глубине души засела мысль, что это приятно. И внимание этого мужчины было бы приятно, если бы не сын между нами. Сейчас его касания вызывают одновременно и мурашки по телу, что это делает именно Игорь, и резкое отторжение, потому что я никогда не подпущу его к себе.

А если судья примет решение, что нам всё же придётся переехать в дом Тихомирова? Тогда он... попытается со мной «подружиться»? Я против. Не насильник же он, даже если я кажусь ему привлекательной, это всё несерьёзно, чтобы лишний раз показать мне моё место, свою силу и власть. Уверена в этом. Но если я обозначу свою позицию, не будет же он давить на меня и по поводу постели? Я ему ничего не должна. Он себе легко найдёт для этого более сговорчивую "подружку". В крайнем случае всегда можно пожаловаться судье, и тогда она точно его изолирует от нас.

Так подмывало позвонить психологу и рассказать, но... Что сказать-то? Мне показалось, что папа Богдана внезапно объявил о том, что в его требования теперь входит секс с мамой? Тихомиров хитрый, гад. Он не сказал ни слова об этом, его никак не притянуть за слова или жесты. Но я ведь

всё поняла. И как теперь выкручиваться?

Ладно, дождёмся суда. Если ты думаешь, Тихомиров, что любая готова с радостью прыгнуть в твою постель после пары комплиментов, то это не ко мне. Вера не безропотная овца.

Но теперь мне ещё страшнее от мысли, что придётся жить с этим чудовищем рядом. Мне так никаких нервов не хватит...

Поживём – увидим...

17.

День беседы с судьёй.

Эту ночь спала плохо. Даже «валерьянка» мне не помогла. Уснула под утро, теперь стояла у зеркала и планомерно замазывала свои круги панды под глазами. Аж несколько слоёв тона пришлось нанести, и еще несколько – пудры.

Ну вот, так больше похожа на человека. По-моему, от нервов я ещё похудела. Лицо кажется более острым и даже подростковым будто. Сама себе не дала бы никогда двадцать семь лет. Но с косметикой всё равно понятно, что я всё же ушла дальше от подросткового возраста.

Нарисовала тонкие ровные стрелки от края до края глаза. Нанесла тушь. Голубые глаза стали ещё более огромными и яркими. На губы нанесла матовую помаду, так они продолжали оставаться естественными и в то же время становились более красивыми и сочными. Нравится тебе моё лицо, Игорь? Полюбуйся. Только издалека всё же. Да, я красивая. И без тебя знаю. Только тебе моя красота не светит. Я сама буду решать, кому она достанется.

Волосы заколола в аккуратный пучок на затылке. Одеда ещё один брючный костюм, тёмно-вишнёвый – уж очень люблю их. Сидят они на мне очень хорошо. Брюки со стрелками на длинных ногах смотрятся здорово, пиджак облегал тонкую талию.

Ну, теперь я точно уверена в себе. Я буду стоять на своём, раз ты не готов изменить свои требования, Игорь. Сколько бы ни было у тебя денег, сил и власти, но меня тоже ластиком не сотрёшь.

– Богдаш, ты собрался, милый? – заглянула в комнату.

Сын, уже одетый, продолжал спокойно играть с конструктором. Никакого волнения или страха перед знакомством с отцом он сейчас не испытывает.

Вчера я ему сказала, что звонил папа. Он возвращается, и завтра они смогут увидеться и поговорить. Сын немного растерялся, но потом начал скакать по квартире с радостными воплями. Он счастлив, что теперь за ним в садик тоже придёт папа, как за другими. И выражает надежду, что папа теперь решит все наши проблемы и поможет маме...

Ну да. Конечно. Он решит... Уже так нарешал... Но ребёнку этого не нужно знать. Почему-то интуиция мне подсказывает, что какими бы ни были у нас отношения с Игорем – папа он хороший, он многое даст Богдану, я должна ему позволить стать для моего ребёнка отцом. А интуиция меня еще никогда не обманывала. Счастье сына важнее всего для меня. Пока не родила, даже и не подумать не могла, что мать ради ребёнка на любые жертвы готова. Даже если мне придётся ещё попереживать, главное, чтобы Богдан получил относительно полную семью. Когда-то же мы с Игорем придём к миру... Надеюсь.

– Идём, сынок. Нам пора.

Мальчик нехотя бросил конструктор и пошёл в коридор за мной. В машине он задумчиво смотрел в окно. Всё же волнуется, я чувствую. Переживаний не избежать в любом случае. Пусть для него это приятный стресс, но всё равно стресс.

Нас отправили в тот же кабинет, где мы беседовали с психологом. На пороге нас встретила Виктория, снова отвлекла Богдана игрушками и обратилась ко мне:

– Сейчас подъедет Игорь Сергеевич. Он будет знакомиться с мальчиком в нашем присутствии. Не переживайте, ничего плохого не случится. Рядом с вами ребёнок не будет бояться, и стресс вашим присутствием будет смягчён. Вы готовы?

– Конечно. Куда деваться...

– Ну да. Ваша повторная беседа не принесла должного результата, поэтому будем разбираться иначе.

Зазвонил телефон в руках психолога. Она приняла вызов:

– Да, Виктория. Поняла, спускаюсь.

Нажала кнопку завершения вызова и подняла взгляд на меня:

– Ну, с Богом. Приехал папа. Я проинструктирую его тоже, ожидайте здесь. И постарайтесь не нервничать, иначе ребёнок испугается.

Я молча кивнула. Слова как-то не шли. Увидеть снова его при личной встрече мне будет сложно. Он даже без слов постоянно «дарит» мне своё слишком тяжёлое, как железобетонная плита, внимание. Но я должна его терпеть.

Мы остались вдвоем с Богданом.

– Мам, папа приехал? – мальчик даже побросал игрушки и встал на ноги.

Надо же, услышал, похоже, психолога.

– Да, милый. Иди сюда, – махнула ему рукой.

Он сел рядом, я обняла его, положив голову малыша себе на грудь. Начала перебирать его волосы, желая успокоить, приласкать.

Спустя минут пятнадцать пришли и Виктория с Игорем. Сначала в коридоре слышались шаги и разговоры. Низкий мужской и высокий женский голоса. Психолог продолжала настраивать на нужный лад папу до самой двери. Наконец дверь распахнулась, и оба вошли в комнату.

Тихомиров уставился на нас. Богдан выпрямился и стал смотреть в ответ. Реакция Игоря меня поразила... В его глазах не было никакого привычного мне льда. Он смотрел на него... с нежностью? Но очень тепло и дружелюбно. Сейчас от него не исходило никакого ощущения опасности, я даже отсюда чувствовала. Шло ощущение уверенности в себе, спокойствия, мужской силы, но абсолютно точно не разрушительной, а наоборот, светлой.

Он приблизился и присел напротив ребёнка на корточки в своём костюме с иголки. Какое-то время он молча смотрел в лицо Богдана такими же, как у мальчика, карими глазами. В них появилось ещё более тёплое выражение, как будто бы

он встретил своего ребёнка после длительной разлуки.

Не знаю, что со мной случилось, но я почувствовала Игоря. Меня захлестнули его эмоции, наполнили до краёв. Я поняла, что он испытывал. Радость, смешанную с болью разбредившихся давнишних ран. Он понимал, что это не его погибший ребёнок. Но это его сын. Он очень-очень похож на папу. Как он прошёл это? Не знаю, что было бы со мной, если бы я потеряла своего сына, а потом снова обрела... Пусть и так странно...

– Привет, Богдан.

– Здравствуйте.

– Меня Игорь зовут. Ты тоже можешь так меня звать.

– Ладно, – мальчик всё же растерялся.

Мужчина казался ему слишком большим, со слишком грубым голосом, он вцепился в мою руку, я сжала в ответ его детские пальцы. Игорь это заметил и оглядел и меня. Он тоже видит, как ребёнок тянется за защитой ко мне, и не может это игнорировать.

– Богдан, это и есть твой папа, – решила я сказать об этом сама, как советовала психолог.

Мальчик ещё более внимательно посмотрел в лицо сидящего напротив Тихомирова. А потом спросил:

– Почему ты не приезжал к нам с мамой? Ты нас не любишь?

Игорь никак не показал, что вопрос ребёнка ему неприятен. Лишь мягко улыбнулся:

– Конечно, люблю. Я не мог. Но вот теперь мы будем вместе. Я буду исправляться. Поможешь мне?

– Как? – удивлённо задал очередной вопрос ребёнок.

– Ты поможешь мне, если позволишь стать тебе другом.

– Другом?

– Да.

– А разве такие друзья бывают?

– Какие?

– Большие...

– Бывают. Попробуем дружить с тобой?

– И ты будешь со мной играть?

– Буду. Когда не на работе. Папа приехал, но он продолжает работать, только уже не там, где живут белые мишки.

Игорь в курсе о легенде. Что ж, так даже проще. Врать – так всем вместе. Богдан вырастет и поймёт нашу ложь во благо. Тихомиров непринужденно и легко вел беседу с ребёнком, умудрился увлечь разговором так, что сын расслабился в его компании, страха у него не было. Осторожно приглядывался к своему папе, но он больше не боялся мужчину. Игорь смог сразу же расположить к себе ребёнка. Богдан действительно будто важен ему. Как ловко задвинул все свои не очень хорошие черты характера на задний план, а на авансцену вывел своё внутреннее тепло и сумасшедшее обаяние, которыми, оказывается, он обладает и умеет управлять!

Самый многоликий и сложный мужчина из всех, кого мне приходилось встречать. Он как коробочка с сюрпризом. Ка-

жется – коробка как коробка. А там ещё одна, и ещё, и ещё... И все разных цветов. Есть и тёмные тона, как грозовое небо или море во время шторма, и светлые, как горизонт на рассвете, и даже пастельные нежные тона, как в общении с Богданом сейчас.

Нет, я не имею права им мешать. Сын с жадностью впитывал мужское внимание. Пусть ребёнку только предстоит привыкнуть к Игорю, но он не отталкивает его уже сейчас. К сожалению, у нас даже дедушки не имеется. Не дожил он до рождения нашего ангелочка, и растили мы его с мамой вдвоем – бабский коллектив. Конечно, ему хочется общаться и с мужчиной. Поэтому, наверное, он так ждал папу. И дождался.

– Итак, на сегодня достаточно. Богдан прощается с папой, папе пора уходить. Но вы обязательно увидите ещё.

Мальчик уставился с недоверием на отца. Он без слов понял немой вопрос ребёнка.

– Я никуда больше не уеду. Я буду с тобой и с мамой. Только сначала нам нужно решить некоторые дела. Пока вы по-прежнему будете жить вдвоём с мамой, но я буду тебя навещать. Идёт?

– Да, – робко улыбнулся ему сын.

Игорь встал и отошёл в сторону. Как только ноги не затекли – столько сидеть в неудобной позе. Похоже, этот железный человек тоже кое на что готов ради ребёнка! И это внушает надежду...

18.

Богдана отправила с бабушкой на такси домой. Нас пригласили в комнату побольше, чем у психолога, и мы расселись за столом. Обычный кабинет с обычным столом – никакого зала суда, как я себе представляла. Но судья была в мантии, всё как положено.

Она выслушала доводы юриста Игоря, я представляла себя сама. После дала слово психологу:

– Итак, Виктория Андреевна. Что показали ваши тесты?

Психолог встала со своего места и начала рассказывать:

– Ваша честь, после ряда исследований было установлено, что Богдана и его мать, Веру Алексеевну, разлучать ни в коем случае нельзя. Это будет большой травмой для обоих, сродни убийству. Как к матери, с точки зрения психологической составляющей, у меня претензий к Вере Алексеевне Прибрежной нет. Мама любит сына по-настоящему, несмотря на тот способ, с помощью которого появился ребёнок на свет. И это взаимно. Крепкая связь матери и ребёнка, которую нарушать не стоит. Что касается Игоря Сергеевича, то препятствий к общению я пока тоже не выявила. Мы с Верой Алексеевной успешно подготовили вместе ребёнка, мама Богдана нисколько не пыталась мешать знакомству и общению с сыном, вела себя адекватно, так же, как и Игорь Сергеевич. Встреча прошла довольно мягко, Богдан

явно желает встретиться вновь со своим папой. Он пока не принял его, конечно, но примет, мальчик расположен к отцу. Единственное, что мне не нравится – климат в отношениях между папой и мамой. Совершенно очевидно, что отношения напряжённые и носят негативный окрас. От этого необходимо избавляться, иначе можно нанести травму ребёнку. Игорь Сергеевич, – обратилась она к нему, – обижая мать, вы обижаете и ребёнка. Помните об этом.

– Хорошо, – не моргнув глазом, ответил Тихомиров.

– Тогда имейте в виду, что я буду ещё долго наблюдать за вашей семьёй, какое бы ни было принято решение, и намерена бить тревогу, если увижу, что ребёнок или его мама не в лучшем состоянии.

– Я вас понял, – так же равнодушно ответил Игорь.

Неужели Виктория всё равно поняла свинское порой отношение ко мне Тихомирова? Интересно, побоится ли он после этого продолжать мной играть?

– На этом у меня всё, Ваша честь.

– Я поняла вас, спасибо. Присаживайтесь на ваше место.

Судья придвинулась к нам ближе, сложила руки в замок и обратилась к нам обоим:

– Что же... Мне всё ясно. Стандартная ситуация, когда родители не могут поделить ребёнка. Родители не могут, а страдает маленький мальчик. Так вот – я не позволю вам калечить малыша своими распрями. Почему вы никак не дого-

воритесь? Хотите права, Игорь Сергеевич?

– Да, Ваша честь, – ответил он.

– Вы их получите. Равные с матерью. Одинаковые. Абсолютно. По результатам теста ДНК, проведённого до нашей встречи, а также согласно материалам, предоставленным архивом клиники, совершенно очевидно, что Тихомиров Игорь Сергеевич является биологическим отцом Прибрежного Богдана Андреевича. Психолог не имеет оснований не допускать вас к ребёнку, поэтому права вы на мальчика получаете. Вы будете вписаны в свидетельство о рождении Богдана в графу «Отец», но имейте в виду, что замена данных, таких как отчество и фамилия, может быть произведена лишь с согласия матери. Вера Алексеевна остаётся матерью без изменений, в данном случае неважно, что биологически сын ей неродной. Есть вещи более важные, чем просто набор генов, данный отцом. Именно мама растила вашего ребёнка, оберегала и воспитывала. Согласно наблюдениям психолога ребёнок совершенно здоров и физически, и морально, он любим и доволен жизнью, за что вы, Игорь Сергеевич, должны быть благодарны матери мальчика. Почему вы настаиваете на проживании ребёнка с вами? Никто не будет препятствовать общению с вашим ребёнком, теперь уже по закону.

– Ваша честь, – Игорь поднялся на ноги и обратился к ней. – Я считаю, что в моём доме гораздо лучшие условия для проживания. Он большой, комфортный, я думаю, вы пони-

маете. Я очень рад тому, что у меня есть сын, готов обеспечить полностью все его потребности. У него будет всё самое лучшее из того, что необходимо ребёнку. Я потерял сына однажды, теперь я хочу, чтобы второй мой ребёнок был рядом.

Судья немного помолчала, потом ответила:

– Ваши чувства мне понятны. Я не буду их игнорировать. Но забрать ребёнка в свой дом вы можете только вместе с Верой Алексеевной. Вы слышали – нельзя их разлучать.

Тихомиров бросил короткий взгляд на меня, потом снова повернулся к Марии Николаевне, что вела нашу пока ещё мирную беседу:

– Дом большой. Вера Алексеевна может переехать вместе с Богданом. Думаю, так мальчику будет комфортнее привыкнуть к дому – вместе с мамой. Я не против.

– Похвальное рассуждение. Нам необходимо посоветоваться. Оставьте нас наедине.

Все, кроме психолога и судьи, покинули кабинет.

О чем говорили, слышно не было. Только отдалённые голоса за дверью о чём-то спорили. Игорь беседовал с юристом, а я просто молча стояла у стены, стараясь не смотреть в их сторону.

С чего Тихомиров такой вдруг оказался добряк? Не против он совершенно, чтобы и я тоже переехала к нему. Горю желанием просто! Но похоже, что выбора у меня нет. Судья прислушалась к Игорю, она будет выносить решение исходя из соображений комфорта и лучших условий для ребёнка, а

условия в доме отца значительно лучше, чем в моей ипотечной двушке.

Приспичило ему, чтобы Богдан жил с ним! Мог бы общаться с сыном и иногда забирать, я не против, так нет же – упёрся лбом... Тем более судья знает, что квартира пока ещё не моя, да и работу я пока не могу найти другую и перебиваюсь подработками – так себе мать. На моём фоне условия, что предлагает Игорь, действительно кажутся хорошими.

Вот ведь жук хитрющий. Недаром он у руля среди огромных концернов. Мозги у него работают отменно. Никогда не думала, что он пустит их против меня и как паук оплетёт паутиной. Даже возразить ничего не дали ему. Мне давали слово вначале, и я сказала, что хотела бы остаться с Богданом дома, нам там привычнее, комфортнее, а переезд всё-таки стресс. Но кажется мне, что Мария Николаевна не прислушается ко мне...

– Проходите, – выглянула в коридор психолог.

Мы в полном молчании снова уселись по своим стульям, и судья взяла на себя внимание:

– Итак. Решить ваш вопрос сегодня мы не сможем. Я думаю, вы это понимаете. Заседание будет перенесено. Через три месяца мы встретимся снова здесь, и тогда будем решать, с кем из вас будет жить ребёнок. Я сразу скажу, что по-прежнему не склонна передавать Богдана в руки Игоря Сергеевича без матери. Но когда мальчик привыкнет к отцу и его дому, вижу возможным забирать его иногда папе в свой дом

без сопровождения Веры Алексеевны. Также вам необходимо найти общий язык, ребёнку должно быть комфортно с вами обоими. Я воспользуюсь предложением Игоря Сергеевича о переезде в его дом не только мальчика, но и его матери. Вы будете жить вместе эти три месяца до следующей встречи. Будете учиться общаться втроём, быть семьёй хотя бы для ребёнка. Позже может быть принято решение о том, что вы получите возможность разъехаться, если захотите, но к тому моменту между вами не должно быть склок, должны царить мир и понимание. Раз вы не можете помириться сами, то вас помирим мы. Всё понятно?

– Да, Ваша честь, – тут же ответил Игорь.

Я же была решением не очень довольна, но это всё же лучше, чем если бы Мария Николаевна решила, что Богдана нужно отдать Игорю без меня. Спорить с ней я не решилась. Я пока вообще не могла понять, как мне к этому относиться, и просто молча кивнула.

– И ещё, – подняла она взгляд и строго посмотрела на нас обоих. – Предупреждаю: если вы так и продолжите делить ребёнка и травмировать его после совместного проживания на одной территории, и не придёте к мирному существованию, я лишу прав вас обоих и отдам мальчика в семью, где атмосфера здоровая и дом не хуже, чем у вас, Игорь Сергеевич. Это тоже понятно?

Наши лица вытянулись. Мы переглянулись. Судя по взгляду Игоря, он об этом дополнении к решению судьи то-

же не знал...

– Ваша честь, вы серьёзно намерены это сделать? – спросил Тихомиров.

– Нет, просто так сказала, чтобы вас попугать, – рявкнула она и строго уставилась на него. – Кроме вас ещё много дел. Я не собираюсь с вами встречаться в течение десяти лет, потому что вы никак не можете договориться между собой. Я лишу Богдана вас обоих, если вы, наконец, не поймёте, что ребёнок всё же важнее всего остального.

Она встала со своего места. Мы тоже все поднялись со своих стульев.

– Приказ получите у секретаря чуть позже. Вам позвонят. Так же проинструктируют заранее о следующей встрече. Очень надеюсь, что она не будет столь печальна: с лишением прав вас обоих. Всего доброго.

Судья взяла свою папку и вышла за дверь. В кабинете повисла тяжёлая тишина. Даже психолог открыла рот. Похоже, не только мы с Игорем не ожидали подобного решения...

19.

Дверь хлопнула, и я вздрогнула, выпав из своих мыслей. Меня захватил шок после слов судьи о лишении прав обоих родителей. Я испугалась. Не знаю, насколько это может быть правдой.

– Что ты натворил, Игорь? – накинулась на него. – Доволен теперь?

– погоди, – прервал он меня. – Это реально? – спросила он у юриста.

Я тоже замолчала и вытянулась струной в ожидании ответа. Он поправил воротник и ответил:

– Ну, вообще всё реально, в принципе. Все статьи пишутся так, чтобы при желании можно было найти лазейку. Но тут маловероятно. Должны быть очень тяжкие преступления по отношению к ребёнку, чтобы обоих родителей лишили прав. Я думаю, судья это сказала, чтобы вы... задумались.

– Так я и думал, – произнёс Тихомиров скорее сам себе. – Так что не паникуй раньше времени, Вера. И не забывайся.

– У меня ведь нет причин, правда же?

– Нам нужно поговорить. Не здесь. Идём.

– А где?

– В машине. Без лишних ушей.

Упрямо сложила руки на груди:

– Боишься, что тебя здесь услышит судья или психолог?

Он подарил мне колючий взгляд и промолчал. Встал и пошёл к двери. У выхода обернулся:

– Вера, не упрямясь. Пойдём. Ты ведь хочешь знать о моих планах на Богдана?

– Я никуда с тобой не пойду. Ясно? Говори тут.

Игорь поджал губы. Он начал злиться. Ну и пусть.

– Иван Анатольевич, – обратился он через плечо к юристу. – Пожалуйста, выйдите и проследите, чтобы никто сюда не зашёл.

Мне стало немного неуютно, но ведь не будет же он устраивать беспредел в стенах суда? Поговорить действительно необходимо.

Мужчина вышел и плотно прикрыл дверь за собой. Яглянула на Игоря, подняв вверх подбородок.

– Я не согласна. Буду обжаловать.

Тихомиров вернулся и сел на стул напротив меня.

– Ничего не выйдет, – равнодушно ответил мужчина.

– Почему это?

Он придвинулся ко мне ближе и заглянул в глаза:

– А ты себя уже хозяйкой положения почувствовала, да? Всё останется так. Потому что меня решение судьи устраивает.

– Мы уже увидели, что ты не всесилен.

– Это ты так думаешь. Я ещё даже не пытался ничего сделать. Судья сама приняла такое решение. Но это не значит, что я не смогу повернуть дело иначе. Ты ведь работала прак-

тически на меня. Разве ты не знаешь, что кое-что я всё же могу?

Ну, вообще-то, не было ещё ни одного проигранного дела со стороны Игоря. Но разве я могу знать наверняка: пытался он купить судью или не пытался?

– И что ты будешь делать, если я подам на повторное рассмотрение этого дела?

– Ты не станешь этого делать.

– С чего такая уверенность?

– Потеряешь больше.

Начала злиться теперь уже я. Угломонится он уже когда-нибудь?

– Ты опять мне угрожаешь?

Он встал и подошёл вплотную. Поставил руки на стол и навис надо мной.

– Значит, так. Я устал с тобой спорить, – снова заговорил Игорь ледяным тоном, не терпящим возражений. – Я способен найти человека, который и судью эту завернёт, и высшего судью, если нужно. Ты только время потеряешь. А ещё подумай, что работу не так просто найти хорошую в нашем мире, по крайней мере в моей сфере. Не будет работы – нечем будет платить за ипотеку, и у тебя банк квартиру отнимет. Боюсь, что без моей помощи тебе не обойтись, как бы ты ни прыгала. И ты всё равно придёшь ко мне, Вера. Я ведь могу многое тебе дать. Ну, или наоборот – отнять. Решай сама.

Он отошёл на шаг от меня, сверля взглядом.

– Хочешь меня задавить? Это всё, на что хватило твоей фантазии, Игорь Тихомиров?

– Нет. Есть ещё козырь. Я знаю об истории с машиной.

Внутри всё рухнуло вниз. Я горько усмехнулась. Он копал на меня. И накопал. У каждого человека есть грехи. И если правильно их озвучить, грехи становятся компроматом. Если он поднимет эту давнишнюю историю, вопрос об опекунстве может быть поднят по новой, и уже может решиться не в мою пользу...

– Нарыли, да? Псы твои, – вскинула голову.

– А ты как думала? Никто не ангел, Вера. И ты тоже оказалась со скелетами в шкафу. Я знал, что ты продолжишь артачиться.

Он был доволен собой. И было с чего. Я повержена. Я проиграла. Мне придётся плясать под его дудку и выкручиваться самой. Никто мне теперь не поможет. Если захочет – меня утопит, и никто не остановит Тихомирова. Он всегда на шаг впереди. У него абсолютно точно найдутся знакомые и в суде, и в прокуратуре, и где угодно. И если я продолжу упираться, потом жизнь свою по кускам не соберу после ударов Игоря.

Что же мне делать, чёрт возьми!!

Тихомиров прав – я слишком хорошо знаю о его возможностях. Всё же загнал меня в угол...

– Что ты хочешь? – спросила его, глядя перед собой бессмысленным взглядом.

Он снова по-деловому уселся за стол, сложил руки в замок и, взглянув в мои глаза, сказал:

– Итак, мои условия...

20.

– Итак, мои условия. Хватит эмоционировать, Вера. То, что ты – девушка-эмоция, я уже понял. Теперь подумай не сердцем, а мозгом. Я ведь тебе и взамен кое-что предлагаю. Ты переедешь вместе с Богданом в мой дом и поможешь мне с ним наладить отношения. Мы не будем говорить с тобой о том, о чём беседовали сейчас. Ты просто будешь это иметь в виду. И не смей показывать ребёнку наши с тобой отношения – его не должно это касаться. Перед психологом тоже старайся не показывать отношения ко мне, иначе договор аннулируется, и ты останешься со своими долгами наедине. Мы живем вместе три месяца. Не переживай, меня часто и дома-то нет или я поздно возвращаюсь, мы за неделю можем и не пересечься ни разу. Как только срок выйдет, я позволю тебе уйти. Ты получишь хорошую работу, лучше, чем была – кстати, Лариса тебя уволила сама, я лишь поинтересовался у неё насчёт тебя. Ещё я выкуплю твою квартиру, и ты получишь её в своё полное владение через три месяца. Мои требования: ты не будешь спорить, дерзить, проявишь гибкость и женскую мудрость. Такая сделка тебя устроит?

Я внимательно всё выслушала и задумалась.

– Сколько у меня времени?

– Три дня. Через три дня я жду тебя с вещами – твоими и Богдана. Если ты не приедешь, я действительно подниму

все свои силы и развяжу войну.

Глянула в его глаза. Карие и ледяные, как и всегда. Монстр, не человек. Если я не перееду к нему, тогда переедет он – меня танком...

– Это все условия?

– Пока да. Но этот уговор устный, и он может меняться. С моей стороны.

– Почему я должна верить на слово?

– Хочешь, договор составим? Только он будет очень смешной, нет таких контрактов в природе. Договор на Веру? Прокат Прибрежной? – он задумался. – Да, забавно. У тебя будет честное слово Тихомирова. Какой мне смысл тебя обманывать? Ты мне больше ни для чего не нужна, а жизнь твою я устрою в благодарность.

– Отлично. Так ты что угодно туда можешь потом добавить новым пунктом. Например, секс с мамой.

Не знаю, кто меня дёрнул за язык? Разозлилась просто и вспомнила, как он мне предлагал «дружить». Да тут к гадалке не ходи, чтобы понять, что ему этого хотелось бы, и он наверняка ещё по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.